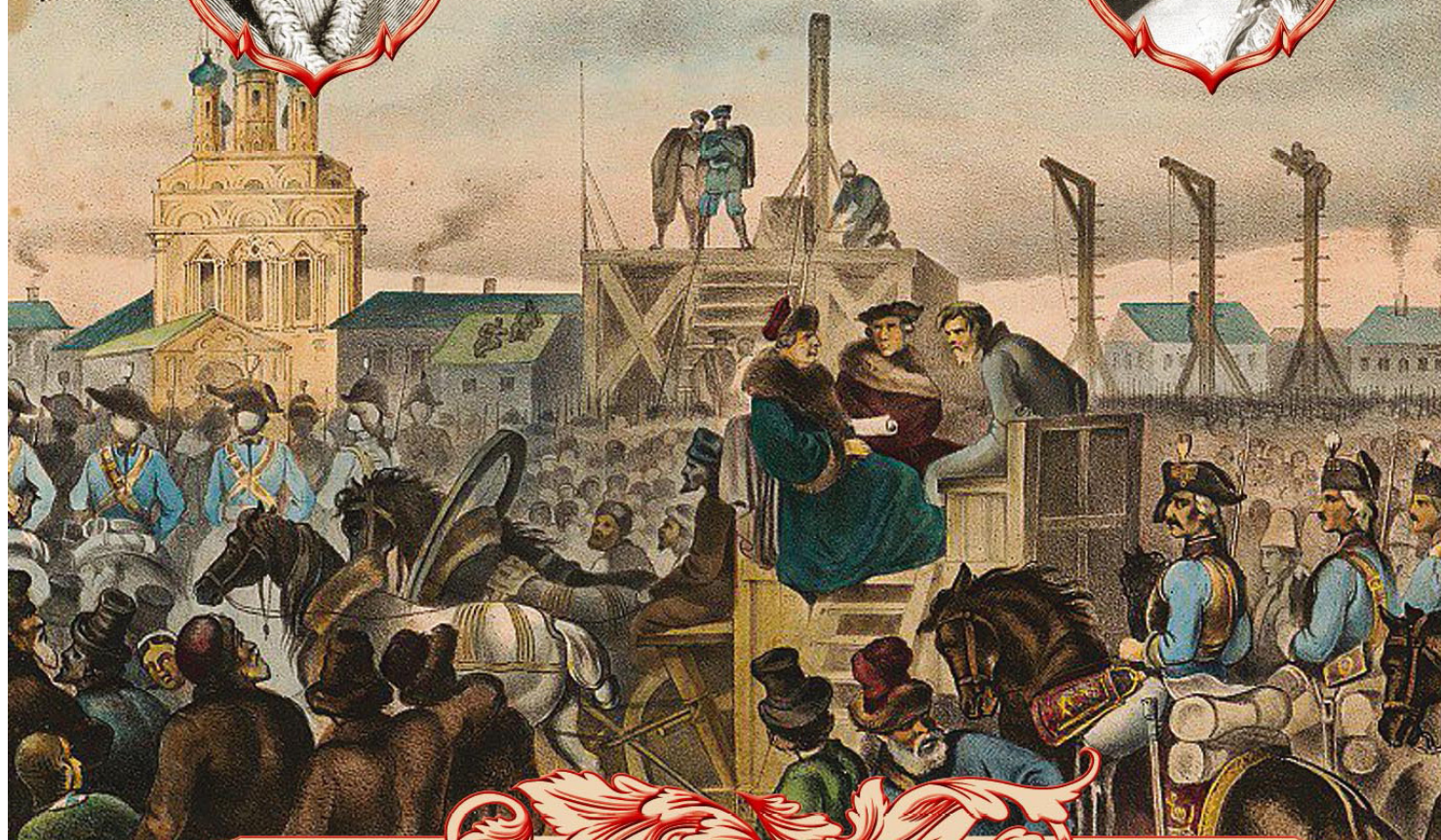

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ПУГАЧЕВ И ЕГО СООБЩНИКИ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

1774

Николай Дубровин

**Пугачев и его
сообщники. 1774 г. Том 2**

«Центрполиграф»

УДК 94(47.06)

ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

Пугачев и его сообщники. 1774 г. Том 2 / Н. Ф. Дубровин —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-08756-0

Н.Ф. Дубровин – историк, академик, генерал. Он занимает особое место среди военных историков второй половины XIX века. По существу, он не примкнул ни к одному из течений, определившихся в военно-исторической науке того времени. Круг интересов ученого был весьма обширен. Данный исторический труд автора рассказывает о событиях, произошедших в России в 1773–1774 годах и известных нам под названием «Пугачевщина». Дубровин изучил колоссальное количество материалов, хранящихся в архивах Петербурга и Москвы и документы из частных архивов. Для восполнения недостатка информации и полной характеристики событий и хода восстания, автор использовал неизданные документы и, конечно, следственное дело над Пугачевым и его сообщниками. Изначально труд был издан в трех томах, но для удобства читателей информация поделена на две книги, условно разделенные на 1773 и 1774 годы. Том второй, 1774 год.

УДК 94(47.06)

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-08756-0

© Дубровин Н. Ф.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Дубровин Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. Том 2. 1774 год

Правило неоспоримое, что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, а особливо от поставленных над ними начальников и правителей: но нельзя инаково сего достигнуть, как только добрым учреждением внутренних распорядков и всех государственных и судебных правительств.

Манифест 15 декабря 1763 г.¹

По неизданным источникам

Глава 1

Генерал-аншеф Бибииков на пути из Петербурга в Казань. – Манифест императрицы в толковании народном. – Объявление секретной комиссии. – Приезд Бибиикова в Казань и свидание его с губернатором. – Административные порядки в крае. – Постановление казанского дворянства о сформировании конного корпуса. – Императрица Екатерина – казанская помещица. – Рескрипты ее Бибиикову. – Торжество в Казани по получении этих рескриптов.

Выехав из Петербурга 9 декабря 1773 года, генерал-аншеф Бибииков нагнал в Новгороде 2-й гренадерский полк, приказал одному батальону сесть на подводы и на переменных лошадях следовать как можно скорее в Казань².

Утром, 14 декабря, Александр Ильич приехал в Москву, «где были небольшие враки и болтанья», как выразился князь Волконский, «но ни уныния и страха, ни трепета не было»³. В Первопрестольной столице Бибииков узнал о грабежах киргиз-кайсаков и просил графа З.Г. Чернышева усилить его кавалерию. «Податель сего, – писал ему А.И. Бибииков⁴, – привезет вам новые вести, а самовидцы скажут и детали. Худо еще в прибавок то, что киргизцы начинают беситься. Разбить каналью считаю наверно, да отвратить разорение потребно конных людей больше. Кажется, поселенные и из Новороссийской губернии гусары к сему всего теперь ловчее, чтобы, по крайней мере, закрыли от разбойнических сих волков набегов. Пехоты довольно, по с нею поспевать не можно за сим ветром [конным неприятелем]».

В день отъезда Бибиикова из Москвы князь Волконский прислал к нему сержанта Брюхачева, посланного генералом Деколонгом в Санкт-Петербург с донесением о поголовном восстании башкирцев. Прочтя это донесение, Бибииков вновь просил об усилении его кавалерией и по соглашению с князем Волконским приказал двум эскадронам Изюмского гусарского полка, без лошадей, с одними седлами и оружием, следовать в Казань на обывательских подводах⁵.

В Нижнем Новгороде губернатор Ступишин заявил А.И. Бибиикову, что, хотя в губернии беспорядков никаких не замечено, но что в народе не без сочувствия говорят о самозванце. Заявление это обратило на себя особое внимание главнокомандующего, тем более что и сам он, проезжая по Нижегородской губернии, слышал «многия неосновательные и ложные молвы, пересказываемые не только простыми, но и неподлыми людьми»⁶. Полагая, что манифест от 29 ноября раскроет глаза населению и даст ему истинное понятие о Пугачеве и его злодействах, А.И. Бибииков оставил манифест Ступишину и приказал его обнародовать. Нижегородский губернатор исполнил приказание, но манифест был настолько непонятен для народа, что приводил его к совершенно превратным толкам. Жители Козмодемьянска уверяли, что прочтенный им манифест повелевал не называть Пугачева императором, а именовать его *Балтийских островов князем*⁷, а жители села Татинцева, той же губернии, говорили, что Пугачева приказано называть *Голштинским князем* и что с ним пришло несколько тысяч голштинской пехоты и артиллерии. Такое толкование заставило генерала Бибиикова приказать

² Письмо А.И. Бибиикова князю Вяземскому 15 декабря // Архив Кабинета Его Величества, особое дело о Пугачеве.

³ Письмо князя Волконского императрице 7 января 1774 года // Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. I, с. 105. Ср.: Записки о жизни и службе Бибиикова, изд. 1865 г., с. 126 и статью Д. Анучина «Действия Бибиикова в Пугачевщину» (Русский вестник, 1872. № 6, с. 472).

⁴ Собственноручное письмо Бибиикова графу Чернышеву от 15 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 126.

⁵ Рапорт князя Волконского Военной коллегии 20 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 267.

⁶ Всеподданнейшее донесение Бибиикова от 30 декабря 1773 г. // Военноученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 74.

⁷ Рапорт Ступишина Бибиикову 9 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 466.

прочитать манифест еще несколько раз, с объяснением его истинного значения⁸, а затем обратиться к населению со следующим объявлением⁹:

«Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской, из учрежденной в Казани, по высочайшему именному указу, секретной комиссии.

Объявляется всенародно.

По следствиям, произведенным в сей комиссии, открылось, что многие как городские, сельские, так и деревенские жители по простоте и глупости своей, прямой силы и разума опубликованных ее императорского величества манифестов о злодее, лжесамозванце, беглом казаке Емельяне Пугачеве, не понимают и делают оным свои глупые и кривые толки. А напротив того, другие, по злонравию своему и склонности к лжесамозванцу, бунтовщику и разбойнику, коварно вымышляют и рассеивают о нем в простом народе ложные плевелы, служащие ко вреду общенародного спокойствия и тишины.

Чего ради секретная комиссия за нужное почитает сим ее величества указом подтвердить: *первым, простакам*, чтобы они старались воздержать себя ото всех глупых и кривых толков, но знали бы и утвердились несомненно, что Пугачев сущий злодей, бунтовщик и враг отечеству, беглый с Дона казак, а потому и не верили бы ни под каким видом происходящим от сообщников сего злодея ложным плевелам и разглашениям, под опасением за слепое легковерие жестокого наказания. А *последним*, коварно и умышленно рассеивателям ложных плевел, в последний раз здесь напоминается, *чтобы перестали быть врагами своему отечеству* и покорились бы безмятежно высочайшей ее императорского величества, яко от Бога предоставленной власти. Но буде паче чаяния и за сим увещанием найдутся таковые рода человеческого изверги и разрушители блаженного спокойствия и тишины, то все оные, какого бы кто звания ни был, безо всякой милости преданы будут жесточайшему по закону осуждению».

В ночь на 26 декабря А.И. Бибиков приехал в Казань, где был встречен губернатором фон Брандтом и прочими представителями местной власти.

– Для чего дали Пугачеву так усилиться? – невольно вырвалось из уст приехавшего.

Брандт не дал на это прямого ответа, и главнокомандующий вместе с губернатором отправились в особую комнату для совещаний. По отъезде Брандта Бибиков вышел к собравшимся для его встречи.

– Государи мои, – сказал он, – давно ли сей муж [Брандт] с ума сошел? Что за план его для истребления Пугачева? Советует мне защищать границу Казанской губернии и просит только не пропустить его [Пугачева] за оную. Да разве Оренбургская и прочие губернии другого государя? Злодея должно истреблять во всех местах одинаково и делать над ним поиск, если б он был и в воде, дабы в другом виде оттуда не показался.

Эти слова ободрили присутствовавших и все население города Казани¹⁰. Личное знакомство с положением дел приводило Бибикова к самым неутешительным заключениям. «Наведавшись о всех обстоятельствах, – писал он¹¹, – дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мной было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская; делаю все возможное и прошу Господа о помощи: Он один исправить может своей милостью». Администрация края была в плохом состоянии, и в местах, где еще не было бунта, господствовал полнейший беспорядок. Генерал фон Брандт, человек честный, но старый, не мог уследить за злоупотреблениями и удержать своих подчиненных от произвола, нарушения законов и лихоимства.

⁸ Письма Бибикова генералам Брандту и Ступишину от 19 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 466 и 485.

⁹ От 19 февраля // Там же, д. № 507.

¹⁰ Всеподданнейшее донесение капитан-поручика Саввы Маврина от 21 мая 1774 г., из Оренбурга.

¹¹ Супруге от 30 декабря 1773 г. // Записки о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., прилож., с. 87.

– Что за причина, – спрашивал его однажды Бибиков, – что вы так нерешительны стали в делах своих и все идет у вас наыворот, нет строгости и никакого взыскания с подчиненных. Я знал вас прежде за человека энергичного и справедливого.

«Из сего скользкого разговора, – замечает Маврин, – и немцу трудно было вывернуться»; однако же Брандт пытался оправдаться.

– Что же мне делать и кого на места определять? – говорил он. – Все меня обманывают.

– Да вы бы приказали, – заметил Бибиков, – присматривать за порядком хотя бы своим товарищам.

– Как это можно! – отвечал добродушно Брандт. – Если я сам не поеду по губернии, то и ни один из них не поедет.

«А потому и видно, – доносил Маврин, – что в губернии Казанской дела делаются только в присутствии хозяина. Неоднократно говаривал хозяин, что он с юстицкими делами незнаком, а отдает справедливость не только в оных, но и в других своему секретарю. А как одному злодею, бывшему в бунте Пугачева, была казнь, то многие тут из черни зрители вслух кричали: «Конечно, на виселице другая петля приготовлена для секретаря».

Такие порядки были не в одной Казанской губернии, но и в большинстве правительственных учреждений тогдашнего времени. «Воеводы и начальники гражданские, – писал Бибиков князю Вяземскому¹², – из многих мест от страху удалились, оставя города и свои правления на расхищение злодеям». Коменданты, секретари и прочие деятели покидали свои места и бежали задолго угрожающей им опасности. Край оставался без правителей, без защиты, и Бибиков приходилось, прежде всего, вступить в борьбу с чиновниками, борьбу едва ли не более трудную, чем с мятежниками. Не полагаясь на местную администрацию, необходимо было призвать деятелей извне и поручить им созидание заново совершенно разрушенного порядка. Бибиков предвидел это еще в Петербурге и потому отправился в Казань с большою свитой, в которой были люди, лично ему известные своей энергией и храбростью. Впоследствии в его распоряжение были посланы князья Щербатов и Голицын, полковник Михельсон и командированы полки, бывшие с ним в Польше и отличившиеся под его начальством. В ожидании их прибытия Бибиков принужден был прибегать к полумерам и, за недостатком главнейшим образом кавалерии, не мог воспрепятствовать дальнейшему развитию бунта. Последний охватил всю Оренбургскую губернию, и главнейшие города: Оренбург, Яик, Уфа, Кунгур и Челябинск – были обложены мятежниками; что происходило в этих пунктах, в Казани ничего не знали. Все инородцы (киргиз-кайсаки, калмыки и башкирцы) и большинство рабочих с пермских заводов перешли на сторону самозванца. Накануне приезда А.И. Бибикова в Казань пригород Алексеевск и город Самара были заняты атаманом Араповым, а спустя несколько дней получены были известия, что беспорядки стали возникать в Казанской губернии и даже коснулись Сибири.

«Коммуникация с Сибирью от опасности на волоску, – писал Бибиков графу Чернышеву¹³, – да и самая Сибирь тому же подвержена. Одна надежда на войска, которых, по умножающемуся злодейскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче в рассуждении обширности и расстояния сего края мест. Толпу Пугачева я разбить не отчаиваюсь и с теми, которые теперь ко мне назначены, когда соберутся, но тушить везде пожар и останавливать злодейское стремление, конечно, конные войска в прибавок необходимы.

В проезд мой чрез Москву генерал Берг меня уверял, что от второй армии три или четыре полка конных отделить можно безо всякой для тамошней стороны опасности, за что он отвечает; но откуда бы то ни было, а умножить необходимо надлежит. Войдите в сие дело, ваше сиятельство, и вы увидите, что я говорю вам истину.

¹² Князю Вяземскому от 5 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 485.

¹³ От 30 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 524.

На здешние гарнизоны и другие команды никакого счету делать не извольте: они так скаредны, что и башкирцам сопротивляться не могут. Печальные опыты с Чернышевым и майором Заевым вам доказывают, да и здесь уже по всем рапортам я увидел, что они, расставленные от Фреймана и от губернатора по постам, бегают из одного места в другое при малейшей тревоге.

Сволочь Пугачева злодейской толпы, конечно, порядочного вооружения, ниже строить иметь не может, кроме свойственной таковым бродягам буйности и колобродства. Но их более шести тысяч, по всем известиям, считать должно, а считая ныне воров башкирцев, число крайне быть должно велико. Не считаю я трудности разбить сию кучу, но собрать войска, запастись не только провиантом и фуражом, но и дровами, проходить в настоящее время степные и пустые места с корпусом суть наиглавнейшие трудности; а между тем [необходимо] отражать во всех концах убийство и разорение и удерживать от заразы преклонных от страху и прельщения простых обывателей».

Эта необходимость заставила Бибикова поторопиться приглашением дворян вооружить своих поселян, но не иначе как «*обнадежив прежде в их твердости*». С этой целью Бибиков поручил предводителю дворянства собрать в Казань к 1 января дворян и просил преосвященного Вениамина оказать содействие к вразумлению *несмысленной черни*.

После литургии 1 января 1774 года и по прочтении манифеста архиепископ обратился к народу с увещанием.

– Правoverные должны пребывать непоколебимы в вере православной, – говорил Вениамин, – и в повиновении премудрого Закона Божия, коим правят цари царствующие и господа господствующие. Люди всякого состояния должны ополчаться на защиту веры, отечества, жен и детей их против злобного возмутителя и безбожных его соумышленников, которые восстали на церковь Божию и священников ее служителей, не щадят никакого состояния, никакого пола, ни невинных младенцев, распространяют неслыханное варварство и опустошение. Они не различают и покорствующих от противящихся, предают всех без разбора ужаснейшим истязаниям и мучительной смерти и тем самым подвергаются страшной анафеме, правосудному гневу и мщению Божию, и в ожидании адских мучений не избегнут и на земле достойного им наказания.

Из церкви А.И. Бибиков отправился в дом предводителя к собравшемуся дворянству.

– Зло возрастает до крайности, – сказал он, – и злодейство изменников вышло из всех пределов. Всякому истинному верноподданному должно стараться о прекращении сего зла.

Представив опасность, которая угрожает семействам и имуществу от своеволия мятежников, Бибиков напомнил, что первый долг дворянина – жертвовать не только всем имением своим, но и жизнью для спасения и пользы отечества. Он выразил уверенность, что каждый из присутствующих поможет ему в усмирении возникшего восстания. Дворянство отнеслось с полным сочувствием к словам главнокомандующего.

– Готовы мы, – говорили присутствующие, – за императрицу и отечество жертвовать не только имением своим, но и своей жизнью, так как и предки наши всегда пребыли государю и отечеству в непоколебимой верности.

В тот же день дворянство определило составить из своих собственных людей и своим иждивением *вооруженный конный корпус*; для чего собрать с каждого двухсот душ по одному человеку и снабдить их всем необходимым, а для вооружения собираемого ополчения генерал-аншеф Бибиков приказал выдать старые драгунские палаши и пистолеты из Казанского комиссариата. Сбор ополчения был распространен не только на собравшихся дворян, но и на тех, которые не были в собрании, «дабы не лишить и отсутствующих дворян такового ж как и нашего усердия и ревности к поспешествованию общего блага»¹⁴. Командование корпу-

¹⁴ Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 95 и 96.

сом было поручено родственнику Бибикова, оберштер-кригс-комиссару генерал-майору Ларионову¹⁵, и в помощь ему, для занятия штаб- и обер-офицерских должностей, вызваны были охотники. Все эти лица 5 января собрались на совещание, «и имея о содержании оного корпуса в воинской дисциплине и строевом порядке рассуждение, согласно положили: для лучшего командования оным корпусом, дабы каждый из нас знал свою должность и отправлял ее добropорядочно и с хорошим успехом, начать следующим исполнением. Как шеф, так и все штаб- и обер-офицеры при дворянском своем корпусе служить пожелали из собственного ревностного усердия, то и не остается нам ничего более о себе сказать, как единственно посвятить жизнь нашу в службу его величеству и отечеству, держа в памяти нашей данную нами Всемогущему Богу в верности службы клятву».

«Сей корпус надежно быть может до 300 человек рядовых, то и разделяется он на три компании, при которых должности наши разделяются следующим образом: шеф командует всем корпусом, так как воинская диспозиция и от его высокопревосходительства генерал-аншефа А.И. Бибикова повелено будет, а прочие штаб- и обер-офицеры принять могут на себя *вообще имя товарища, но точно по старшинству*¹⁶. Что же касается унтер-офицеров и капралов, то дворянство просило назначить их из прибывших в Казань эскадронов Изюмского гусарского полка.

Не ограничиваясь принятием мер к скорейшему формированию корпуса, дворянство Казанского уезда пожертвовало войскам шубы, сукна на теплые чулки, лошадей для гусарских эскадронов и просило Бибикова, чтоб он чрез предводителей дворянства пригласил всех остальных дворян Казанской губернии принять участие в составлении такого же ополчения. Разосланные Бибиковым пригласительные письма оказали свое действие.

Прежде всего казанский магистрат, следуя примеру дворянства, выразил желание сформировать один *конный эскадрон гусар* на своем «иждивении и содержании»¹⁷, а в половине января А.И. Бибиков получил ответные письма от предводителей дворянства симбирского, свияжского и пензенского. При этом прокурор Пензенской провинции и предводитель пензенского дворянства Чемесов, «по неимению по городу Петровску у благородного дворянства предводителя, потому что их в Петровском уезде жительство имеет самое малое число (всего пять человек)», донес, что дворяне готовы поставить с каждых 200 душ по одному человеку, всего 11 человек с ружьем и продовольствием¹⁸.

«Усердие казанского дворянства меня обрадовало, – писала Екатерина Бибикову¹⁹, – сей образ мыслей прямо есть благороден».

Довольная «прямо дворянскими поступками казанского дворянства»²⁰, императрица приказала прочесть донесение Бибикова в собрании Сената²¹, и затем 20 января 1774 года последовал указ дворцовой канцелярии собрать со всех подведомственных ей крестьян Казанской губернии по одному человеку с 200 душ и «снабдить каждого всем к службе потребным,

¹⁵ Александр Леонтьевич Ларионов был сводным братом А.И. Бибикова. Мать Ларионова была во втором браке за Ильею Александровичем Бибиковым, овдовевшим по смерти матери Александра Ильича.

¹⁶ Таким образом, были назначены командирами: 1-й компании – старший товарищ полковник Николай Толстой, а младшими товарищами: лейб-гвардии капитан-поручик Александр Толстой, капитаны Сергей Левашов и Таврило Матюнин; 2-й компании – старший товарищ подполковник Дмитрий Молоствов и младшие товарищи: подпоручик Михайло Голосницкий и лейб-гвардии конного полка вице-вахмистр Иван Чюфаровский; 3-й компании – старший товарищ секунд-майор Сергей Тютчев, младшие товарищи: титулярный советник Алексей Мельгунов и поручик Александр Наумов. В адъютантские должности были избраны: лейб-гвардии фурыер Яков Кудрявцев и капрал Никанор Нормотский (Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI; Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 96).

¹⁷ Всеподданнейшее донесение Бибикова от 17 января 1774 г., № 4. Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 110.

¹⁸ Рапорт Петровской воеводской канцелярии Бибикову 27 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

¹⁹ Рескрипт Бибикову от 15 января // Русский архив, 1866, с. 390.

²⁰ Рескрипт Бибикову от 16 февраля // Там же, с. 393.

²¹ Записка князя Вяземского Сенату 17 января // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 115.

как-то: мундиром, амуницией и лошастью с прибором»²². Для командования этим ополчением императрица по просьбе Бибикова приказала выбрать казанских помещиков из числа желающих гвардейских унтер-офицеров и, пожаловав их в обер-офицеры, велела отправить как можно скорее в Казань²³.

Сообщая об этом Бибикову и приняв на себя звание *казанской помещицы*, Екатерина поручила ему объявить свое благоволение казанскому дворянству за единодушное соединение и вспомоществование правительству и уверить его, что она считает своей обязанностью целость, благосостояние и безопасность дворянства «ничем неразделимо почитать с собственной нашей и империи нашей безопасностью и благосостоянием»²⁴.

Получив 27 января рескрипт и письмо²⁵, Бибиков поручил предводителю собрать 30 января всех дворян, живших в городе Казани и окрестностях, для выслушания высочайших повелений. В этот день дворяне прислали к главнокомандующему двух депутатов с донесением, что они ожидают его прибытия в дом предводителя и для большей церемонии конвой из 50 человек вооруженных улан при двух офицерах. На крыльце дома предводителя Бибиков был встречен двумя дворянами и затем в разных местах по лестнице приветствуем таким же числом. После краткой речи Бибикова был прочтен рескрипт императрицы, принятый со всеобщим восторгом.

– Да здравствует великая наша самодержица! – кричали собравшиеся. – Да царствует над нами щедрая мать наша! Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всем, что мы имеем!

Дворяне просили позволить им снять копии с рескрипта и хранить его у себя на память потомству о милостях Екатерины к казанскому дворянству.

После того предводитель дворянства Казанского уезда Макаров прочел письмо, в коем высказал благодарность за милость императрицы и попечение ее оградить подданных от «бедствия напастей наших». Он благодарил и Бибикова за советы, просил сохранить любовь и доверенность к дворянству и принять в свое покровительство казанский дворянский корпус²⁶.

«Восприимите, – читал в заключение своего письма Макаров, – в свое покровительство избранного нами шефа с его товарищами, подайте им случай пролить кровь свою за благополучие отечества нашего и матери нашей. Мы же, будучи очевидно уверены в вооружении корпуса и ревностных шефа стараниях, имеем несомненную надежду, что все они положат душу свою за возлюбленную нашу самодержицу».

Выделившись из толпы, шеф дворянского корпуса, генерал-майор Ларионов, заявил, что он считает настоящий день за прекраснейший в своей жизни, избрание шефом – за честь и готов остаток дней своих посвятить на службу дворянства, благородно «воспаленного ревностью и примером»²⁷.

По окончании этой речи Бибиков прочел письмо к нему императрицы от 20 января, в котором она приняла на себя звание казанской помещицы.

²² Указ Дворцовой канцелярии 20 января 1774 г. // Гос. архив, XI, д. № 455.

²³ Письмо Бибикова императрице от 5 февраля 1774 г. Приложение к Запискам Академии наук, т. I. Бумаги Бибикова, изданные Я.К. Гротом, с. 59; Письмо Екатерины Бибикову 16 февраля // Русский архив, 1866, с. 393.

²⁴ Рескрипты Бибикову 16 и 20 января 1774 г. // Записки о жизни Бибикова, изд. 1865 г., с. 51; Чтения Общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 65.

²⁵ Г.Д. Анучин говорит, что вместе с рескриптом был получен и манифест, но это несправедливо. Как увидим ниже, манифест был издан 22 февраля и получен в Казани в первой половине марта // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 185.

²⁶ Всеподданнейшее донесение Бибикова от 5 февраля 1774 г., № 10 // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 140–146.

²⁷ Речь Ларионова напечатана в Чтениях Общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 64, и в Записках о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., с. 57.

– Казанское дворянство, – сказал предводитель Макаров по выслушании письма, – приносит вашему высокопревосходительству свою нижайшую благодарность за объявление приятнейшей нам вести и просит дозволить нам высказать наше чувство своей самодержице.

Получив на это разрешение Бибикова, казанский помещик Бестужев подошел к портрету Екатерины II и прочел известную речь, сочиненную Г.Р. Державиным²⁸.

– Исполнением долга нашего, – говорил, между прочим, Бестужев словами поэта, – хотя мы не заслуживаем особого вашего императорского величества высокого нам признания; хотя мы недостойны любезного и нам дражайшего товарищества твоего, однако высочайшую волю твою разверстым принимаем сердцем и за наивеличайшее ее почитаем благополучие. Начертываем неоцененные слова благоволения твоего с благоговением в память нашу. *Признаем тебя своей помещицею. Принимаем тебя в свое товарищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с собою!* Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества твоего. Ежели где силы наши слабы совершить усердие наше тебе будут, помогай нам и заступай нас у тебя. Мы более на тебя, нежели на себя надеемся²⁹.

По окончании торжественного чтения все отправились в собор для слушания литургии и благодарственного молебствия, причем во время многолетия производилась пальба из орудий. Вечером у предводителя был бал, и всю ночь дома дворян были иллюминированы.

Донося о торжестве, происходившем в Казани, генерал-аншеф Бибилов присовокуплял, что и прочее дворянство Казанской губернии с равным усердием приступило к формированию корпусов: симбирское – 4 января, свияжское – 15 и пензенское – 26 января³⁰. Предводителями этих корпусов были назначены: симбирского – секунд-майор Степан Федорович Глятков, пензенского – прокурор и предводитель дворянства Ефим Чемесов, а свияжское ополчение, по малочисленности дворянства, не могло составить особого корпуса и потому положило присоединиться к казанскому и признать начальником своим отставного капитана Гавриила Матюнина, уже выбранного казанским дворянством в состав своего корпуса.

Находя, что поступок дворянства Казанской губернии «показывает свету *и настоящих дворян* истинными и достойными преемниками и подражателями тех отличных добродетелей и заслуг, кои предкам их доставляли по временам сие преимущественное звание», императрица 22 февраля издала особый манифест, в котором восхваляла дворянство и купечество. Она повелела прочесть его во всех церквях, раздать по экземпляру всем тем лицам, которые принимали участие в полезных определениях обществ, и на память потомству положить в архив каждого города по несколько экземпляров³¹.

Готовность дворянства содействовать правительству в усмирении мятежа была, конечно, утешительна, но Бибилов не обольщал себя и смотрел на это ополчение не более как на средство поднять упавший дух населения и хотя несколько уменьшить опасность для самой Казанской губернии. Он сознавал и доносил³², что «обнаженный, так сказать, от воинских команд, здешний край не в силах удерживать стремление многолюдной сей и на таком великом пространстве рассыпавшейся саранчи. Корпус вверенных мне войск, когда и весь соберется, может только подать стесненному Оренбургу помощь, что я первым своим долгом исполнить и поставляю. Но страшусь, чтобы прибытие войск для него было благовременно».

²⁸ Гос. архив, VI, д. № 527. Собственноручное донесение Бибилова императрице от 5 февраля // Записки Академии наук, т. I, прил. № 4, с. 59.

²⁹ Речь эта в полном объеме напечатана в «Истории Пугачевского бунта» Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 121; в Записках о жизни и службе Бибилова, изд. 1865 г., с. 52.

³⁰ Всеподданнейшее донесение Бибилова от 5 февраля, № 10 // Военноученый архив, д. № 104 (А), л. 147 до 152.

³¹ Рескрипт Бибилову от 22 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 485. Манифест же напечатан в Чтениях Общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 77.

³² Императрице от 30 декабря 1773 г. Военно-ученый архив, отдел I, д. 104 (А), л. 75.

Главнокомандующий просил усилить его войсками и прислать в его распоряжение несколько полков пехоты и в особенности кавалерии. Без этого он не видел возможности скоро усмирить мятеж, потому что «находящиеся по разным местам и здесь гарнизонные и так называемые инвалидные команды, каковыми и первых вообще с их начальниками назвать можно, только имя регулярных военных людей занимают, не имея, к стыду звания солдатского, ни малейших к тому способностей».

Глава 2

Меры правительства к усмирению восстания. – Заседание Государственного совета 9 декабря. – Мнение Сената о предании анафеме как Пугачева, так и его сообщников. – Указ о предосторожностях против возмутителей. – Манифест 23 декабря 1773 года. – Меры к усмирению башкирцев. – Состояние войска Донского. – Сожжение дома Пугачева и его воззваний. – Отправление в Казань семейства Пугачева и награда за поимку его.

Неоднократные просьбы Бибикова о присылке войск, а главное – ряд самых неутешительных известий, полученных в Петербурге о развитии мятежа, заставляли правительство обратить на совершающиеся события более серьезное внимание. В день отъезда А.И. Бибикова из столицы, 9 декабря, состоялось заседание Государственного совета, в котором генерал-прокурор князь Вяземский заявил о желании императрицы принять меры к тому, чтобы мятеж не распространялся далее Оренбургской губернии и чтобы соседние с нею губернии остались в тишине и покое. Князь Вяземский предлагал объявить от имени Сената, что в Оренбургской губернии умножились разбойничьи толпы и что для недопущения их в соседние провинции предписывается во всех деревнях сделать рогатки и заставы, у которых останавливать всех подозрительных людей и отправлять их к начальству. Князь Орлов находил, что подобная мера подаст повод к «прицепкам и остановкам» проезжих и «вместо ожидаемого сохранения тишины, духи раздражены и скорее к соединению с возмутителями расположены будут».

– Всякое узаконение тщетно, – говорил Г.Г. Орлов, – когда исполнительной властью оно не будет поддержано. Не имея там ныне довольно числа войск, мы не можем надеяться, чтобы сие объявление порядочно исполняемо было, а потому лучше не делать никакого, нежели дать случай к новым неустройствам. Если же оное сделать рассуждено будет, то надобно, по крайней мере, положить ему предел исполнением в самых только ближних к Оренбургу местах.

Министр иностранных дел граф Н.И. Панин находил, что изолировать Оренбургскую губернию невозможно, что скрывать истину вредно и о происходящем под Оренбургом необходимо объявить во всенародное известие.

– О возмущении, без сомнения, известно уже во всем государстве, – говорил граф Панин, – и правительство, скрывая его пред народом, придает ему более важности, нежели есть оно на самом деле. Для отнятия всех вредных мыслей и толков, следовательно, и для удержания соседних мест в спокойстве нужно объявить о том манифестом во всей империи, именовать мятежников разбойничьими толпами, а Пугачева вором и самозванцем.

Соглашаясь с мнением о необходимости обнародования манифеста, Государственный совет не отверг предложения князя Вяземского и поручил ему составить проект объявления и представить его совету³³.

На следующий день, 10 декабря, Сенат рассуждал, что «хотя нет сомнения, чтоб изменник Пугачев, по взятым на поражение его мерам, *вскоре истреблен не был (?)*, но как всего того над ним в действо произвести еще некогда было, а между тем слухи об измене везде час от часу распространяются и увеличиваются гораздо больше, нежели сколько в самом деле есть, то Сенат почитает за нужное, чтоб о сей изменнической воровской партии опубликовано было во всем государстве от высочайшего ее императорского величества имени краткими манифестами, с точным притом объявлением, что как сам предводитель той воровской шайки, изменник Пугачев, так равно и те, кои в сообщество его доньше вступили и впредь паче ожидания вступят, *преданы от Св. Синода анафеме*».

³³ Архив Гос. совета, т. I, кн. I. с. 445.

В том же заседании князь А.А. Вяземский предложил на обсуждение другой вопрос: не следует ли публиковать указ от имени Сената, чтобы население имело осторожность от разбойнических шаек. Присутствующие члены единогласно согласились с мнением генерал-прокурора, но при этом постановили, что указ этот должен быть отправлен на усмотрение Бибикова, и если он признает эту меру полезной, то публиковать его только в губерниях Нижегородской, Казанской и Астраханской, в Исетской провинции и Екатеринбургском горном ведомстве³⁴.

Объявляя, что в Оренбургской губернии появилась шайка мятежников, что беглый донской казак Емельян Пугачев «отважился, даже безо всякого подобия и вероятности, взять на себя имя императора Петра III», Правительствующий сенат предостерегал население соседних губерний, чтоб оно не верило ложным разглашениям и приняло меры к охранению себя от разбойнических партий. С этою целью Сенат счел своим долгом напомнить жителям «и возобновить те осторожности, которые по причине *бывшей моровой язвы* к исполнению во всех селениях предписаны были: *ибо и сие зло в слабых и неосторожных людях подобный моровой язве вред произвести может*». Предосторожности эти заключались в том, чтобы в каждом селении была оставлена одна дорога для въезда и выезда, все же остальные или были перекопаны, или заняты днем и ночью караулами. На проезжей дороге должны были быть поставлены рогатки или ворота для опроса проезжающих. В каждом селении должен быть выбран смотритель «из лучших людей», на обязанность коего возложено следить за тем, чтобы «бродяги, а иногда и самые воры в селение впущены не были, ибо, ослабев и разбойнические шайки могут в нищенском одеянии и под разными видами входить и зло как разглашением, так и действием коварным производить». Всех подозрительных приказано представлять начальству, шайкам бродяг и разбойников не давать ни пропитания, ни пристанища, отражать их силой и помогать войскам, давая знать о месте сбора мятежников. «А как долг звания дворянского обязывает оных более пещись о спасении невинных крестьян своих от угрожаемого от таковых злодеев разврата, мучительств и разорения и о скорейшем и совершенном истреблении сих бесчеловечных злодеев, то и не можно усомниться, чтобы всякий из них не употребил своего рачения, сил и возможности, дабы вспомоществовать воинским командам, так как и частным смотрителям в вышеприведенном искоренении и поимке злодеев»³⁵.

Проект этого указа был утвержден в заседании Государственного совета 12 декабря. На другой день он был уже напечатан, а 16 декабря граф Н. Панин читал сочиненный им манифест, который и был одобрен членами совета. Обнародованный 23 декабря, манифест этот впервые разнес по всей империи известие о появлении под Оренбургом самозванца под именем Петра III. «Излишне было бы, – говорилось в манифесте, – обличать и доказывать здесь нелепость и безумие такого обмана, который ни малейшей вероподобности не может, представить человеку, имеющему только общий смысл человеческий. Богу благодарение! протекло уже то для России *страшное невежества время*, в которое сим самым гнусным и ненавистным обманом могли вложить меч в руки брату на брата такие отечества предатели, каков был Гришка Отрепьев и его последователи. Уже все истинные сыны отечества познали и долговременно выкупали потом плоды внутреннего спокойствия в такой степени, что ныне приводит каждого в содрогание и единое тех плачевных времен воспоминание. Словом, нет и не может ныне быть ни одного из носящих достойно имя Россиянина, который бы не возгнушался столь безумным обманом, каким разбойник Пугачев мечтает себе найти и обольщать невежд, унижающих человечество своей крайнею простотой, *обещая вывести их из всякой властям подчиненности*. Как будто бы не сам Творец все твари основал и учредил человеческое общество таковым, что оно без посредственных между государя и народа властей существовать не может».

³⁴ Журнал Сената // Гос. архив, VI, д. № 504.

³⁵ Указ Сената от 13 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 61; Пушкин, т. VI, приложение, с. 182.

Императрица выражала уверенность, что все верноподданные будут гнушаться дерзким обманом Пугачева и будут содействовать правительству к восстановлению тишины и покоя.

Как этот манифест, так и тот, который был отправлен с генерал-майором Каром (от 15 октября), императрица приказала перевести на татарский язык, для распространения в Башкирии³⁶. Она предоставляла Бибикову сделать в переводах манифестов, если признает нужным, поправки, «также вместо имени генерал-майора Кара включить ваше или же послать и вовсе особое извещение». Бибикову поручено было выбрать из казанского татарского «духовенства» людей надежных, «в башкирском народе кредит имеющих», и отправить их в башкирские селения для увещевания жителей. «Мы надеемся, – писала при этом Екатерина А.И. Бибикову³⁷, – что если сии отправленные, якоже и прочие татарские по духовенству чиновники, с тем усердием и верностью, которою они нам обязаны, за сие примутся, то скоро все непорядки прекращены будут, тем надежнее, что из давних лет приобретенная по духовному чину над умами башкирцев татарская поверхность во всем никакого препятствия не полагает».

Бибиков отправил не только в Башкирию, но и в Берду восемь человек надежных татар и поручил им уговаривать население, чтоб оно отстало от самозванца, раскаялось и возвратилось в свои дома.

Независимо от этого, по предложению князя Вяземского, Бибиков потребовал к себе подполковника Лазарева, управлявшего прежде башкирцами и пользовавшегося их уважением, но находившегося под судом за злоупотребления. Главнокомандующий предложил ему, как средство заслужить прощение, отправиться в Башкирию и содействовать усмирению населения³⁸. Лазарев охотно принял предложение и, снабженный деньгами на подарки влиятельным лицам, отправился в Исетскую провинцию. В помощь ему был назначен коллежский асессор Тоузак, как человек знающий в совершенстве быт и нравы башкирского народа. С ними отправлено было двадцать человек конвоя, одетого и вооруженного по-гусарски, отпущена тысяча рублей на покупку вещей и предоставлено Лазареву право наиболее верных башкирцев производить в сотники, пятидесятники и другие чины, «смотря по людям и их важности»³⁹. Меры эти и известия, что Уфа держится, что она не захвачена еще мятежниками, давали правительству надежду на возможность возвратить башкирцев увещаниями к должному повиновению. С усмирением Башкирии положение края могло значительно видоизмениться и являлась возможность ограничить волнение пределами Оренбургской губернии. В Казанскую губернию направлены были войска, к Симбирску подходили четыре легкие полевые команды, волжское войско не выказывало сочувствия к мятежу, а главное – утешительно было то, что донские казаки выражали отвращение к самозванцу и полную готовность содействовать правительству в усмирении бунта.

Еще в октябре войско Донское постановило выбрать тысячу человек из лучших казаков с тем, чтоб они были готовы к походу по первому требованию. Для недопущения в войско эмиссаров Пугачева приказано было атаманам станиц зорко следить за всеми приезжающими и приходящими, «особливо из бродяг и носящих на себе образ нищего»⁴⁰.

³⁶ Письмо князя Вяземского Бибикову 30 декабря 1773 г. // Архив кабинета его величества.

³⁷ В рескрипте от 30 декабря 1773 г. // Архив кабинета его величества.

³⁸ Поводом к такому предложению было письмо Веревкина князю Вяземскому от 23 декабря 1773 года, из Челябинска. «Вашему сиятельству, – писал Веревкин, – из рапортов моих о несчастий моем почти со всею провинциею известно. Чего ради и осмеливаюсь всенижайше просить, дабы благоволили вверенной мне провинции, находящейся теперь в крайнем бедствии, скорую помощь показать присылкою воинской команды; равным образом прислать и для уговору башкирцев подполковника Лазарева, потому что оный башкирцами крайне любим и надеюсь на милость Божию, что оный может с успехом сию комиссию исполнить» (Гос. архив, VI, д. № 504).

³⁹ Письма Бибикова князю Вяземскому от 8 и 29 января; Рапорт его Сенату от 8 марта 1774 г., № 57 // Там же, д. № 504. Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

⁴⁰ Архив Главного штаба, кн. I.

В конце ноября 1773 года полковник Илья Денисов, тот самый, у которого Пугачев находился на ординарах и который наказал его «нещадно плетью», просил разрешения Военной коллегии собрать из войска донского пятьсот человек казаков и с ними идти прямо под Оренбург для поражения самозванца⁴¹. Одобрив такое предложение, императрица приказала полковнику Денисову, с выбранными им казаками, следовать в Самару, где и поступить под начальство генерал-майора Мансурова⁴².

Последующие известия относительно донцов были еще более успокоительного свойства. «Я уже имел счастье доносить вашему сиятельству, – писал Рычков князю Вяземскому⁴³ в письмах, отправленных из Харькова, – что рассеявшийся там слух, будто бы известная толпа мятежников шатается в округе Царицына, делал езду мою весьма опасной⁴⁴. Но, приблизившись к Царицыну, узнал я, что сторона наша спокойна, и больше еще утешился тем, что, проезжая станицами донских казаков и стараясь посторонним образом изведать мысли их в рассуждении Пугачева и всей изменнической его толпы, нашел их в весьма хорошем расположении. Они гнушаются мерзостью его действий и больше еще стыдятся и того, что Дон имел несчастье произвести сие чудовище на свет. В таком точно расположении нашел я, по крайней мере, всех тех, с коими мне и бывшим при мне разговаривать случилось».

То же самое подтверждал и обер-комендант крепости Святого Димитрия, генерал-майор Потапов. Посланные им для наблюдения за донскими казаками офицеры, проехавшие по рекам Дону, Северному Донцу, Хопру, Медведице и Бузулуку, единогласно донесли, что ни в одной из станиц не встретили сочувствия к Пугачеву, причем ротмистр Афанасий Болдырев, бывший в Зимовейской станице, донес, что жена и дети Пугачева «по бедности между дворов бродят»⁴⁵.

Это донесение возбудило вопрос, как поступить с именем Пугачева, с его женой, детьми и племянником, бывшим в Петербурге и находившимся уже под присмотром. Так как они не принимали никакого участия в бунте, то, спрашивала Екатерина: «справедливо ли будет их арестовать, ибо и Петр Великий часто говаривал: *«брат мой, а ум свой»*.

Государственный совет постановил, что «для возбуждения омерзения к Пугачеву злодеянию должно дом его на Дону, если найдется, или пустое место, где он жил, чрез палача разорив выжечь и посыпать солью». Семейство же самозванца и его племянника отправить в Казань к А.И. Бибикову, «рассуждая, – писала Екатерина⁴⁶, – что, может быть, они послушать вам иногда могут и некоторым способом к скорейшему и удобнейшему извлечению из заблуждения легковверных невежд». В грамоте, данной по этому поводу войску Донскому⁴⁷, императрица повелевала: жену, детей и буде есть братьев самозванца, «без оказания им наималейшего огорчения, яко не имеющим участия в злодейских делах его, Пугачева», отправить к генерал-майору Потапову для препровождения их в Казань и «устыжения тех, кои в заблуждении своем самозванцовой лжи поработились».

«Привезенную к вам [в Казань] прямую жену Пугачева, – писал впоследствии главнокомандующий А.М. Лунину⁴⁸, – извольте приказать содержать на пристойной квартире под при-

⁴¹ Рапорт полковника Денисова Военной коллегии от 23 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

⁴² Указ Военной коллегии А.И. Бибикову 17 января 1774 г., № 57 // Московский архив Главного штаба. Журнал секретной экспедиции, кн. 54, л. 23.

⁴³ В письме от 23 декабря 1774 г. // Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

⁴⁴ к сохранению своему наблюдает разные осторожности, и потому средство, кое приходит мне иногда на мысль, истребить сие чудовище способом человека смелого и отчаянного (который бы под видом, что предался на его сторону, исполнил сие дело) кажется ненадежным, не говоря о том, сколь трудно будет отыскать и такого отчаянного» (Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве).

⁴⁵ Рапорт коменданта крепости Святого Димитрия, генерал-майора Потапова, Военной коллегии от 16 декабря 1773 г., № 7, с. 159. Архив Главного штаба, кн. II, л. 335–338.

⁴⁶ В рескрипте Бибикову от 10 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 485.

⁴⁷ От 10 января 1774 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 329.

⁴⁸ В письме от 19 марта // Русский архив, 1866, с. 385.

смотром, однако, без всякого огорчения, и давайте ей пропитание порядочное, ибо так ко мне указ. А между тем не худо, чтоб пускать ее ходить и чтоб она в народе, а паче черни могла рассказывать, кто Пугачев и что она его жена. Сие, однако ж, надлежит сделать с манерою, чтоб не могло показаться с нашей стороны ложным уверением; паче ж думаю в базарные дни, чтоб она, ходя, будто сама собою рассказывала о нем кому можно или кстати будет...»

«Что же касается до дома Пугачева, находившегося в Зимовейской станице, то в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, — сказано было в грамоте от 10 января, — и хотя бы состоял он в развалившихся только хижинах, имеет Донское войско, при присланном от обер-коменданта крепости Святого Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной станицы жителей, при всех при них сжечь и на том месте чрез палача или профоса пепел рассеять; потом то место огородить надолбами или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, яко оскверненное жительство на нем все казни и лютые истязания делами своими превосшедшего злодея, которого гнусное имя останется мерзостью навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеям казацкого на себе имени, хотя отнюдь одним таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оно, ни ревность к нам и отечеству помрачиться и ни малейшего претерпеть не могут нарекания».

Назначенные генералом Потаповым майор Рукин и войском Донским старшина Туроверов отправились в Зимовейскую станицу. Прибыв на место 4 февраля 1774 года, они не нашли в станице семейства Пугачева и узнали, что оно живет в Есауловской станице у матери жены самозванца. Дом последнего был продан еще осенью 1773 года отставному казаку Еремю Евсееву за 24 руб. 50 коп. и перевезен им в Есауловскую станицу. Несмотря на это, Рукин и Туроверов признали необходимым отобрать дом от Евсеева, сломали его и перевезли «прямо на то место, где его, злодея, Зимовейской станицы обитание имелось». Затем как дом, «так и при реке хижина с огорожею и с несколько числом садовых деревьев» 6 февраля были сожжены, пепел рассеян и место это окопано рвом для «оставления на вечные времена без поселения, яко оскверненное злодейским жительство». При этом жители заявили майору Рукину, что, гнушаясь и «мерзя злодейскими пороками» Пугачева, желают переселиться на другое место, «о чем и просить намерены позволить им оное исполнить, дабы и имя сей станицы (хотя оно для положения своего от наводнения пред другими и выгоднее) могло совсем уничтожиться»⁴⁹.

Одновременно с искоренением имени Пугачева в войске Донском императрица приказала предавать публичному сожжению чрез палача все его манифесты и воззвания⁵⁰. Сенат объявил об этом указ 10 января 1774 года, с прибавлением, чтобы манифесты эти отнюдь не читались в народе и никому не объявлялось их содержание; но Военная коллегия поручила А.И. Бибикову подлинные указы самозванца жечь, а копии с них доставлять в коллегиям⁵¹.

«Между прочими мер принятия к искоренению злодейств Пугачева, — писал граф З.Г. Чернышев Бибикову⁵², — не бесполезно кажется, быть может, и обещание некоторого награждения тем, кто, его живого взяв, приведет к оренбургскому ли губернатору или же к военным нашим командирам. Таковое обещание помянутым губернатором действительно и учинено, но как оно слишком умеренно, то пишу я теперь к г. Рейнсдорпу и находящемуся в Яицком городке подполковнику Симонову, дабы учинили они публикацию, что *за приведение означенного самозванца живого дано будет в награждение десять тысяч рублей*».

⁴⁹ Рапорт Потапова Военной коллегии 13 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. II. Желание станичников, как увидим, было исполнено и станица названа Потемкинской.

⁵⁰ Бумаги Екатерины // Сборник Истории, общества, т. XIII, с. 441.

⁵¹ Указ Военной коллегии Бибикову от 4 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба. Журнал Секретной экспедиции, кн. 54, л. 2.

⁵² От 4 января 1774 г. Записки Академии наук, т. I, приложение № 4, с. 48.

К этому граф Чернышев присоединил, что по просьбе главнокомандующего императрица приказала отправить в Казань тысячу человек малороссийских казаков⁵³. «В сих исстари ненависть примечена к яицким, – писала Екатерина Бибикову⁵⁴, – а употребить их будете как знаете».

⁵³ Указ Сенату от 15 января 1774 г. // Архив Кабинета его величества. Казакам этим приказано было собраться в Глухове и следовать чрез города Ливны, Воронеж, Новохоперск, Керенск, Саранск, Алатырь, Свияжск и Казань, всего 1153 версты. Они выступили тремя эшелонами: первый 12 февраля, второй 14-го и третий 16-го, и должны были прибыть в Казань чрез 48 дней (Рапорт Малороссийской коллегии Сенату 17 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 504).

⁵⁴ В письме от 15 января 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 382.

Глава 3

Прибытие войск, назначенных в распоряжение А.И. Бибикова. – Поражение мятежников у Самары и пригорода Алексеевска. – План наступательных действий. – Действия полковника Юрия Бибикова. – Поражение мятежников у села Сухарева. – Освобождение Заинска. – Занятие Нагайбака и крепости Бакалы. – Действия князя П. Голицына и генерал-майора Мансурова. – Воззвание к калмыкам. – Поражение мятежников у деревни Захаркино. – Состояние Оренбурга.

В то время, когда формировалось казанское ополчение и А.И. Бибиков принимал меры к умирению башкирцев, к театру военных действий стали подходить войска. 7 января прибыли на подводах три эскадрона Изюмского гусарского полка, а 8 января вступил в Казань второй батальон 2-го гренадерского полка. Через два дня, 10 января, прибыл Владимирский полк; 17 января – Архангелогородский карабинерный и 27-го числа остальные роты Томского полка⁵⁵.

В этот промежуток времени в Симбирск прибыла 22-я легкая полевая команда; в Сызрань – 24-я легкая полевая команда и в Саратов – два эскадрона поселенных бахмутских гусар⁵⁶. 30 декабря генерал-аншеф Бибиков получил известие, что генерал-майор Мансуров, заболевший горячкой и пролежавший в Серпухове без памяти семь дней, оправился от болезни, нагнал 23-ю и 25-ю легкие полевые команды и с ними следует к Симбирску, но находится еще в 400 верстах от города⁵⁷.

Прибытие этих войск значительно усиливало боевые средства Бибикова, «но, – писал он⁵⁸, – к утишению заразы сего очень мало». Главнокомандующий очень хорошо понимал, что не Пугачев важен, а важно всеобщее негодование. «Пугачев чучело, – говорил Бибиков, – которую воры – яицкие казаки – играют»⁵⁹. На местные гарнизонные команды положиться было невозможно, «что я уже испытанием знаю», писал Бибиков⁶⁰. «Сия негодница довольна, что их не трогают и до первой деревни дошедши, остановись, присылают рапорты, что окружены и далее идти нельзя. Нужно было несколько раз посылать им на выручку. Они ободрили злодеев [настолько], что осмелились в самые им лезть глаза». Население было уверено, что войска не желают идти против государя, и простой народ явно говорил, что солдаты драться не будут. Бибиков слышал эти рассказы по пути в Казань, слышал и то, что в некоторых полках, как, например, во Владимирском пехотном, ходили разного рода неприятные слухи. Солдаты жаловались на тяжелую службу, говорили, что их привели в Петербург для участия в церемонии бракосочетания великого князя Павла Петровича, а не дали даже и «по чарке водки». Они роптали на то, что их заставляли вбивать сваи на Дворцовой набережной, и говорили, что служба так тяжела, что они положат оружие пред появившимся «царем». Известие о походе было встречено с большою радостью. «Не на Воронеж ли? – спрашивали солдаты друг друга. – Если туда, то дай Бог, потому что там все дешевле»⁶¹. По прибытии в Москву солдаты рассказывали, что появившийся под Оренбургом не Пугачев, а истинный государь, «да и государыня

⁵⁵ Архив Главного штаба, кн. II, л. 507; Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

⁵⁶ При отправлении этих эскадронов из Качалинской станицы командир их, капитан Собов, донес, что за старостью и озноблением ноги выступить в поход не может, и эскадроны были поручены капитану Краевичу.

⁵⁷ Архив Главного штаба, кн. II, л. 525.

⁵⁸ В письме к своей супруге от 30 декабря 1773 г. Записки о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., приложение, с. 87.

⁵⁹ Письмо А.И. Бибикова Д.И. фон Визину от 29 января 1774 г. // Там же, с. 76. В заголовке письма ошибочно напечатан ноябрь месяц.

⁶⁰ Чернышеву от 17 января 1774 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 551.

⁶¹ Показание сержанта Владимирского полка Ивана Наумова // Гос. архив, VI, д. № 466.

уже трусит», говорил сержант Филипп Мухин⁶², «то в Раненбом [Ораниенбаум], то туда, то сюда ездит, а графов Орловых и дух уже не помянется».

За полком учрежден был строгий надзор, и в Нижнем было арестовано несколько солдат. Арест этот произвел грустное впечатление на А.И. Бибикова, и он «дьявольски трусил за своих солдат, чтоб они не сделали так же, как гарнизонные: не сложили оружия перед мятежниками»⁶³. Тем не менее главнокомандующий решился действовать наступательно и, прежде всего, очистить от мятежников Самарскую линию. Избирая для этой цели находившиеся вблизи Самары легкие полевые команды и не имея понятия ни о составе офицеров, ни об образе мыслей нижних чинов, А.И. Бибиков отправил в Симбирск и Самару лейб-гвардии Преображенского полка поручика Державина с поручением сделать «примечание как на легкие обе полевые команды, так и на гусар: в каком состоянии они находятся и во всем ли исправны и какие недостатки? каковых имеют офицеров и в каком состоянии строевые лошади?»⁶⁴.

Вместе с тем главнокомандующий отправил два предписания: одно командиру 24-й полевой команды, майору Муфелью, двинуться из Сызрани и выгнать мятежников из Самары; а другое командиру 22-й команды, подполковнику Гриневу, выступить из Симбирска, присоединить к себе бахмутских гусар и следовать на соединение с Муфелем.

Отойдя верст тридцать от Сызрани, Муфель встретил бежавших из Самары: дворян с их семействами, капитана Балахонцева с 23 солдатами и прапорщика Панова с казаками. Узнав от них, что Самара занята мятежниками, Муфель поспешил движением и 28 декабря был уже в пяти верстах от города, в селе Рождественском.

Здесь ему передали, что, по распоряжению атамана Арапова, партия в 300 ставропольских калмыков должна была атаковать отряд с тыла, в то время, когда сам Арапов двинется с фронта.

Устроив вагенбург в селении Рождественском, майор Муфель, в семь часов утра, 29 декабря, подошел к Самаре, где был встречен огнем из двух полевых и шести чугунных орудий. Не теряя времени на перестрелку, он смело двинулся вперед, и хотя встретил упорное сопротивление, но штыками выгнал мятежников из города, захватил 200 человек пленных и все орудия, причем сам лишился трех человек убитыми и пятнадцати ранеными. «Злодеев хотя и побито довольно число, – доносил он⁶⁵, – однако за великим снегом и метелью, которыми трупы заносило, никак исчислить было не можно, да и здешними обывателями многие трупы были покрадены».

Донося о своих действиях Бибикову, майор Муфель свидетельствовал о храбрости всех чинов, и в особенности хвалил команду волжских казаков, которые «немало свергали их [мятежников] с коней пиками»⁶⁶. Он писал, что «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки» и что «самарское духовенство всемиловейшую нашу государыню в поминовении из ектений исключило». Спрашивая Бибикова, как поступить со священниками, нарушившими обязанности и присягу верноподданных, Муфель доносил, что за неимением свинца он должен несколько дней пробыть в городе, и просил прислать ему «хотя малую частицу карты, дабы я мог узнать окрестности сего места, а от старой карты ничего узнать не можно».

Между тем 4 января прибыл в Самару подполковник Гринев со своим отрядом, при котором находился и поручик Державин, имевший предписание главнокомандующего исследовать,

⁶² Всеподданнейший рапорт князя Волконского, 6 февраля 1774 г. // Там же, д. № 465.

⁶³ Письмо А.И. Бибикова Д.И. фон Визину 29 января 1774 г.

⁶⁴ Предписание Бибикова Державину от 29 декабря 1774 г. // Сочинения Державина, изд. Я.К. Грота, т. V, с. 1.

⁶⁵ В рапорте 31 декабря 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

⁶⁶ В статье «Действия Бибикова в Пугачевщину» (Русский вестник, 1872 г., № 7, с. 21) автор упоминает о команде *польских* казаков и, недоумевая, откуда они явились, строит несколько предположений. Предположения эти ошибочны и произошли от неверного чтения документа, следует читать: *волжских*, а не *польских*.

кто из жителей наиболее виновен во встрече мятежников. Всех таковых было приказано отправить в Казань, «а некоторых для страха жестоко на площади наказать плетью при собрании народа, приговаривая, что они против злодеев должны пребыть в твердости и живота своего, как верные подданные, щадить не должныствуют»⁶⁷.

В течение двух дней Гринев, при содействии Муфеля и Державина, занимался восстановлением порядка в городе и приведением к присяге жителей, от которых отбирались подписки, что они впредь останутся верными императрице, не будут иметь ни тайных, ни явных сношений с мятежниками и как самого Пугачева, так и его шайки будут почитать злодеями, изменниками и разбойниками.

Что касается духовенства, то оно все оказалось виновным, но Державин не признал возможным арестовать его, опасаясь, «что, лиша церкви служения, не подложить бы в волнующийся народ, обольщенный разными коварствами, сильнеею огня к зловерному разглашению, что мы, наказуя попов, стесняем веру».

Разделяя это мнение, главнокомандующий потребовал, чтобы казанский архиепископ Вениамин отправил в Самару новых священников, а тех, которые оказались виновными, приказал прислать в Казань. Отправив их в числе девяти человек, подполковник Гринев в два часа ночи, на 7 января, выступил из Самары к Алексеевску со сборным отрядом, состоявшим из пехоты, кавалерии и четырех единорогов⁶⁸.

Темная ночь и сильная метель замедляли движение, и в девять часов утра Гринев остановился в восьми верстах от пригорода Алексеевска с тем, чтобы дать людям отдохнуть и покормить лошадей. Но ни того ни другого не удалось исполнить, так как мятежники, в числе 2000 человек⁶⁹, под начальством двух атаманов, Арапова и Чулошникова, атаковали только что остановившийся отряд. Построив каре, в котором один фас составляли гусары и казаки, второй – егеря, третий – мушкетеры и четвертый – драгуны, подполковник Гринев приказал открыть огонь и постепенно подвигался вперед. Отвечая огнем из трех орудий, мятежники, почти все конные, произвели ряд атак, но прорвать каре не могли. Понеся весьма значительные потери от разрывных гранат, которых сами не имели, мятежники стали отступать, будучи преследуемы гусарами и казаками.

У самого пригорода Алексеевска Арапов и Чулошников пытались снова остановить Гринева, но и на этот раз неудачно. Бой, продолжавшийся в течение почти целого дня, окончился занятием Алексеевска. Потеряв убитыми пять нижних чинов и девять ранеными, подполковник Гринев захватил три чугунных орудия с 60 ядрами и 230 штук рогатого скота⁷⁰. Население города было приведено к присяге, а виновные в возмущении были пересечены плетью в церковной ограде при собрании всего народа⁷¹.

Отсюда, в три часа утра, 9 января, подполковник Гринев двинулся вверх по реке Самаре к Красному Яру, где, по сведениям, собрались ставропольские калмыки. Он успел захватить 300 штук рогатого скота и двести овец, но калмыков не настиг, так как они вместе со своей ханшей Дербетовой ушли за Араповым и Чулошниковым, отступившими вверх по реке Кинель.

Известия о прогнании мятежников из Самары и Алексеевска и донесение Державина о благонадежности легких полевых команд успокоили А.И. Бибикува и вселили в нем уверенность, что войска будут обходиться с сообщниками Пугачева как с мятежниками. «Это придает

⁶⁷ Предписание А.И. Бибикува Державину 29 декабря 1773 г. Сочинения Державина, изд. Я.К. Грота, т. V, с. 2.

⁶⁸ Определить численность отряда Гринева нет никакой возможности. В рапорте А.И. Бибикува он доносил, что у него было: «команды моей 80, да 24-й команды при командире премьер-майоре Муфеле 57; также от обеих команд были драгуны и егери; сверх того, Бахмутского полка два эскадрона неполные гусар и 30 человек, при есауле, волгских и саратовских казаков».

⁶⁹ В составе толпы мятежников находилось: 400 казаков, 600 калмыков, 300 черкесов и 700 человек мужиков, татар и других.

⁷⁰ Рапорты подполковника Гринева Бибикуву 7 и 11 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 507 (1).

⁷¹ Записки Державина, изд. Я.К. Грота, т. VI, с. 472.

мне храбрость», – писал главнокомандующий⁷²; являлась возможность перейти в наступление, столь необходимое в особенности со стороны Башкирии, где дела были в самом печальном положении.

Донесение Веревкина о происшествии в Челябинске и затруднительное положение города Кунгура также озабочивали А.И. Бибикова, Кунгур находился в 500 верстах от Казани, а Челябинск еще дальше, подать скорую помощь им было невозможно, потому что бунт распространился слишком широко, и мятежники, перейдя реки Каму и Вятку, разграбили Иштымский Иноземцова завод и набирали себе ополчение почти у самой Казани. Войскам приходилось водворять спокойствие на огромном пространстве, прежде чем они могли дойти до Кунгура. Не зная об энергических действиях майора Попова, генерал-аншеф Бибиков утешал себя тем, что на помощь городу явится коллежский асессор Башмаков, который, доносил он⁷³, не только «своими служителями заводы свои, укрепя, защищает, но и высылает команды для поиска над злодеями». Скоро, однако же, и Башмаков признал свое бессилие и писал Бибикову⁷⁴, что «без подкрепления регулярной воинской команды наше войско вовсе сумнительно и ненадежно, и теперь остается единая ко спасению нам надежда – высокая милость Божия».

Спешить на помощь по первому призыву или заявлению было невозможно, а разбрасывать войска по разным направлениям и мелкими частями даже вредно. Оценив свое положение, А.И. Бибиков решил умирять край постепенно и хотя медленно, но верно. Он приказал генерал-майору Мансурову принять общее начальство над четырьмя легкими полковыми командами, продолжать наступление «живо и проворно», распространить свои поиски вверх по реке Самаре и войти в связь с отрядом генерал-майора Фреймана, расположенным в Бугульме⁷⁵. Очистив от мятежников пространство между Самарой и Бугульмой и закрыв селения от набегов, оба генерала должны были двигаться к Оренбургу, составляя авангард главных сил генерал-майора князя Голицына, попечению которого вверено было «очищение земли к стороне Оренбурга»⁷⁶.

«Если Оренбург имеет пропитание, – писал главнокомандующий графу З.Г. Чернышеву⁷⁷, – то надеюсь его спасти, а сим уповаю и главную всему злу переломлю преграду. Но маршем поспешить великие настоят трудности, потому что число подвод для подвоза пропитания на корпус и для способствования городу выходит большое по дальнему и степному положению. А притом рассевшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постов Фреймановых проходу нет и на нас лезут. Конвоирование великого подвоза требует по степным местам людей; без прикрытия же и самую Казань со стороны Башкирии оставить нельзя».

Для действия со стороны Башкирии были сформированы два отряда: капитана Кардашевского, из пятидесяти grenадер и роты гусар с одним орудием, и полковника Юрия Бибикова из четырех рот 2-го grenадерского и трех рот (эскадронов) Изюмского гусарского полков (всего сто коней) при двух орудиях.

Следуя чрез город Арск и далее к реке Вятке до впадения ее в Каму, капитан Кардашевский должен был очистить все это пространство от шатающихся мятежников, а полковник Бибиков – освободить Мензелинск и Заинек и очистить дорогу из Бугульмы, соединяющую Казань с отрядом Фреймана⁷⁸.

⁷² В письме фон Визину. Записки о жизни и службе Бибикова. Изд. 1865 г., с. 76.

⁷³ Императрице от 8 января // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 99.

⁷⁴ В рапорте от 18 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

⁷⁵ Всеподданнейший рапорт Бибикова 5 января 1774 г. Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 92.

⁷⁶ То же от 17 января 1774 г. // Там же, л. 109.

⁷⁷ От 17 января 1774 г. // Архив Главного штаба. Секретные бумаги о Пугачеве, кн. II, л. 551.

⁷⁸ Рапорт Бибикова Военной коллегии от 21 января 1774 г., № 13 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

4 января Юрий Бибилов выступил из Казани с своим отрядом, а на следующий день двинулся и капитан Кардашевский. При деревне Каюках он встретил небольшую толпу бродяг, оказавших весьма малое сопротивление и разбежавшихся в разные стороны. Захватив три человека в плен, Кардашевский дошел до реки Вятки и не только не встретил мятежников, но и не «слышал, чтобы где злодеи шатались». Считая задачу свою относительно этой местности исполненной, Кардашевский пошел на соединение с полковником Юрием Бибиловым.

Последний, следуя чрез село Алексеевское и Старошешминск, 13 января встретил мятежников в селении Сухарево, в тридцати верстах от Заинска. Подходя к селению, полковник Бибилов послал вперед подполковника Бедрягу с гусарами и ротой grenадер и приказал занять его. Мятежники разрушили мост через лошину пред Сухаревым, но, несмотря на то и на глубокий снег, подполковник Бедряга почти без сопротивления занял селение. Мятежники расположились вокруг отряда в трех деревнях, и хотя находились всего в 2–4 верстах, но Бибилов принужден был остановиться на день в селении Сухарево, чтобы дать отдых утомленному отряду. «Пушки у меня так тяжелы, – писал он, – что я от них время весьма много потерял; дороги так снежны, что и одна лошадь насилу может идти».

В восьмом часу утра, 14 января, Ю. Бибилов атаковал мятежников, разбил их и все три селения (Ерыклы крещеные, Ерыклы и Туба магометанские) сжег до основания, «авось либо, – писал он, – после узнают свое заблуждение и возвратятся на путь истинный»⁷⁹. Захваченных в плен мужиков полковник Бибилов пересек; Сухаревского священника, читавшего манифест Пугачева, и двух отставных солдат, из коих один кричал гусарам, чтоб они перешли на сторону самозванца, отправил в Казань в секретную комиссию. Обращая внимание главнокомандующего на энергию и храбрость подполковника Бедряги, Юрий Бибилов просил прислать ему три или четыре 3-фунтовые пушки, а те орудия, которые у него были, оставить в Записке, «ибо с ними, – говорил он, – никуда не могу поспевать, изнуря в дороге людей и лошадей».

16 января Ю. Бибилов выступил из селения Сухарево по направлению к Заинску. Верст за шесть от деревни Аскариной отряд был встречен атаманом Аренкулом Асеевым с 600 мятежников и тремя орудиями. После непродолжительной перестрелки Бибилов приказал роте grenадер овладеть батареей, что и было исполнено. Мятежники обратились в бегство, «но, – доносил Ю. Бибилов, – бег им был весьма неудачен, ибо они, скакав беспорядочной толпой, друг дружке мешали и вязли в снегу». Подполковник Бедряга со своими гусарами рубил всех увязших, и мятежники оставили на поле сражения до 200 тел.

Из деревни Аскариной отряд двинулся к Заинску и был встречен мятежниками, расположившимися впереди города в числе до 1400 человек. Выставив на пригорке три орудия, предводители толпы приставили к ним канониров, захваченных в Заинске, и приказали им открыть огонь. Разделив свой отряд на три колонны, полковник Бибилов приказал: майору Неклюдову уничтожить рогатки, поставленные на дороге, капитану Плахуте со второю колонной и поручику конной гвардии Кошелеву с третьей занять предместье, разделенное рвами на две части, и выгнать из него мятежников. Сам же Бибилов, поднявшись на высоту, находившуюся саженьях в двухстах от города, поставил на ней батарею, а подполковнику Бедряге с гусарами приказал обойти город и стать за перелеском.

Наступавшие колонны были встречены выстрелами, но безвредными, потому что канониры стреляли сначала поверх голов, а потом скатили свои пушки под гору и сами бежали к атакующим.

Потеря трех орудий и меткий огонь батареи, выставленной полковником Бибиловым, заставили мятежников очистить город. Они бежали врассыпную, и «тут опять предстал случай гусарам продолжать свою работу». Подполковник Бедряга, «как искусный и храбрый кавале-

⁷⁹ Рапорт полковника Ю. Бибилова А.И. Бибилову 15 января 1774 г. // Там же.

рийский офицер», стремительно преследовал бегущих и на протяжении не более двух верст изрубил до 300 человек; в городе же найдено до ста убитых и раненых.

В Заинске полковник Бибииков захватил подпрапорщика Буткевича, сдавшего город вместе с капитаном Мертвецовым, арестовал священника и дьякона, служивших молебны о здравии самозванца. Отправив их в Казань, в секретную комиссию, Юрий Бибииков доносил, что пробудет в Заинске дня четыре, «ибо со всех сторон приходят крестьяне, татары с повинной, и сколько таковых будет, донесу. Солдаты, которые положили ружья, прогнаны сквозь строй; дьячки за крик многолетия высечены»⁸⁰.

Донесение это весьма обрадовало главнокомандующего; «хотя писал правитель его канцелярии⁸¹, везде посланные команды имеют поверхность над злодеями, но не было еще столь громкого удара, каковой распространил повсюду деташамент Юрия Богдановича».

Приказав исключить из донесения все, что относилось до наказания, понесенного населением занятого города, и представляя его в копии императрице, А.И. Бибииков выражал уверенность, что край «очистится от сей нечистой сволочи» и последствия этих побед будут благотворны⁸². Действительно, на другой день по занятии Заинска к полковнику Бибиикову явились с повинной 22 деревни и заявили, что и прочие их односельцы, взятые мятежниками на службу, возвращаются в дома. Ю. Бибииков выдавал им билеты и отпускал по домам, «ибо, – доносил он⁸³, – держать мне их негде, потому что тысячи четыре вчерашний день у меня их с повинной было».

Из Заинска Ю. Бибииков пошел на освобождение майора Перского, окруженного мятежниками в дворцовом селе Елабуге. Еще 27 декабря казанский губернатор фон Брандт отправил командира 2-го батальона казанского гарнизона, майора Перского, с 100 человеками и одним орудием, к Мензелинску. Он поручил ему ввести порядок в городе и вступить в управление, так как воевода Мажаров и майор Тихановский убежали в Казань, за что и были преданы суду⁸⁴.

Дойдя до села Елабуги, Перский был окружен мятежниками и хотя выдержал нападений пять, но пройти к Мензелинску признавал невозможным. Он доносил, что по обеим сторонам реки Камы собралось более шести тысяч мятежников, и просил помощи⁸⁵.

Полковник Бибииков 26 января выступил из Заинска и, прибыв в село Ляки, писал, что не встретил нигде мятежников, «да и от Мензелинска все бегут в степь, а большая часть в Нагайбаке теперь жметя»⁸⁶. Отправив майора Неклюдова с ротой гренадер и ротой гусар, Бибииков приказал ему выручить Перского, что и было исполнено, причем в происшедшей схватке мятежники потеряли до 200 человек убитыми⁸⁷.

Прибыв 30 января в Мензелинск, полковник Бибииков не нашел и там мятежников; они, в числе до двух тысяч человек, собрались в селе Пьяном Бору, в 15 верстах от города, на реке Каме, где и построили укрепление «из дров наподобие палисаду», дороги, идущие в село, были завалены засеками и колодами⁸⁸.

⁸⁰ Рапорт полковника Ю. Бибиикова от 18 января 1774 г.; Рапорт генерал-майора Фреймана генерал-аншефу Бибиикову 19 января 1774 г., № 25 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III и IV.

⁸¹ Алексей Бушуев от 21 января // Гос. архив, VI, д. № 527.

⁸² Всеподданнейший рапорт А.И. Бибиикова от 21 января 1774 г., № 5 // Военно-ученый архив, отд. I, д. 104 (А), л. 112.

⁸³ Рапорт полковника Ю. Бибиикова от 19 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

⁸⁴ Рапорт Брандта Сенату 8 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

⁸⁵ Рапорт Перского генералу Брандту 21 января. Показание крестьянина Кириллы Михайлова 25 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

⁸⁶ Рапорт Ю. Бибиикова главнокомандующему 28 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

⁸⁷ Всеподданнейшее донесение А.И. Бибиикова от 29 января 1774 г., № 7. Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 121.

⁸⁸ Рапорт Бибиикова от 2 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

На следующее утро, 31 января, Ю. Бибиков отправил подполковника Бедрягу с тремястами человек пехоты, эскадроном гусар и четырьмя пушками⁸⁹ и приказал ему выгнать толпу из Пьяного Бора, а укрепления сжечь.

Подходя к селению, Бедряга был встречен авангардом мятежников, охранявших дорогу, но оттеснил их и приготовился к штурму укрепления. Он разделил свои силы на три колонны и, поручив их майору Неклюдову, копной гвардии поручику Кошелеву и 2-го гренадерского полка поручику графу Санти, с трех сторон двинулся на укрепление. Мятежники встретили наступающих сильным огнем, но после жаркой схватки были отброшены и бежали, преследуемые гусарами; засевшие в избах были переколоты. В отряде Бедряги убитых не было, а раненых было всего 8 человек⁹⁰. Мятежники оставили на поле сражения до 400 человек и лишились 60 человек, захваченных в плен, «которых, – доносил Юрий Бибиков, – я наказал кошками под виселицей и отпустил по-прежнему в свои дома. Теперь со всех сторон, из сел и деревень, приезжают с повинной; в одни сутки 40 деревень признали свою вину и у меня явились. Февраля 1-го числа прислал ко мне злодейский атаман Торнов, из Нагайбака, отставного прапорщика Скугаревского, брата родного тому, что у меня переводчиком. Не отвечая ему ничего на вопрос, велел публично, при наказании пленных, профосу под виселицей сжечь. Капитан Алексеев, что был в Нагайбаке с командой, оставя город, сочтя себя малым оный защищать, обще с воеводой ретировался в Мензелинск, которого я теперь арестовал и держу под караулом до повеления вашего высокопревосходительства».

С рассеянием мятежников, собравшихся у Пьяного Бора, почти весь Мензелинский уезд до самой реки Ика был успокоен, за исключением части, прилегавшей к Нагайбаку, на помощь которому была отправлена из окрестностей Уфы толпа в 4 тысячи человек, с 11–13 орудиями. Ю. Бибиков предупредил мятежников занятием Нагайбака, и они остановились в крепости Бакалах⁹¹. Взяв с собою 300 человек пехоты, 120 гусар, 50 казаков и три орудия, Юрий Бибиков, в два часа ночи на 11 февраля, выступил из Нагайбака. Пройдя 38 верст, он, в девять часов утра 11 февраля, атаковал Бакалы и без всякой потери в людях овладел укреплением. Лишившись до 400 человек убитыми и ранеными, мятежники рассыпались в разные стороны, и окрестные жители являлись с повинной. «Деревень с полтора ста приехали за билетами, – доносил Ю. Бибиков⁹², – и каждая деревня без наряда привезла фураж». Он разослал по дороге в город Уфу приказания, чтобы население готовило продовольствие для значительного отряда, и «имею известие, – писал Ю. Бибиков, – что по всей дороге со всякой покорностью исполняют мое повеление». Жители возвращались в свои дома, и в Казань стали ежедневно являться с невнесенными податями и непоставленными рекрутами⁹³. Восстановив порядок в Бакалах, Ю. Бибиков возвратился в Нагайбак, а затем получил приказание идти на соединение с князем Голицыным.

Сосредоточив свой отряд у реки Камы, генерал-майор князь П. Голицын разделил его на три колонны: *первая*, или средняя, под его личным начальством⁹⁴, должна была двигаться по новомосковской дороге⁹⁵; *вторая*, полковника Изюмского гусарского полка Хорвата, направлена к реке Черемшан⁹⁶; *третья*, премьер-майора Владимирского полка Елагина, к Билярску⁹⁷.

⁸⁹ Введенный в заблуждение собственноручною припиской А.И. Бибикова в рапорте императрице, Д. Анучин неверно показал состав отряда и ошибочно называет полковника Бибикова Василием. Василий Бибиков, тоже полковник, находился в Екатеринбурге.

⁹⁰ В числе раненных стрелами были: артиллерии поручик Байков и гусарского полка прапорщик Готовицкий.

⁹¹ Рапорты Юрия Бибикова А.И. Бибикову от 6 и 9 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

⁹² В рапорте от 12 февраля 1774 г. // Там же.

⁹³ Всеподданнейший рапорт А.И. Бибикова от 15 февраля 1774 г. // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 153.

⁹⁴ В отряде этом находилось: четыре роты грендер и егерская команда, два эскадрона карабинеров, один эскадрон гусар и шесть орудий полевой артиллерии.

⁹⁵ Дорога эта проходила из Москвы в Казань, а оттуда, чрез Кичуевский фельдшанец, Бугульму, деревню Сарманаеву и Сакмарский городок, в Оренбург.

Торопясь соединиться с «неподвижным» отрядом генерал-майора Фреймана, стоявшим в Бугульме, князь Голицын 29 января прибыл со своей колонной в Кичуевский фельдшанец, где узнал, что мятежники группировались в следующих пунктах: у Ставрополя было до 1400 калмыков; от Белого Яра, вверх по реке Черемшану, бродила толпа в 600 человек; в деревнях Каменке и Шентале, в 30–40 верстах от Черемшанской крепости, стоял бузулукский казак Чернеев с 1000 человек; в окрестностях Кувацкой слободы партия в 500 человек; на реке Кинели стоял Арапов с 400 человек и за Бугульмой, по дороге к Оренбургу, в селе Рычкове (Спасское тож) и деревне Дымской находилось 1000 человек с семью орудиями⁹⁸.

Глубокие снега задерживали движение и заставили князя Голицына сформировать команду лыжников; он приказал, чтобы в каждой роте было по 25 человек и все егеря имели лыжи⁹⁹. Поручив затем майору Елагину очистить окрестности Ставрополя и войти в связь с отрядом подполковника Гринева, а полковнику Хорвату разогнать мятежников в деревнях Каменке и Шентале, сам князь Голицын 4 февраля перешел в Бугульму, где и соединился с генералом Фрейманом. В ту же ночь он отправил два небольших отряда: майора Варнстедта по московской дороге и полковника Ильина к Нагайбаку, для открытия связи с отрядом полковника Ю. Бибикова.

Имея в своем отряде 160 гренадер, 80 карабинеров и 10 малолетков, полковник Ильин разогнал небольшие толпы мятежников в деревнях Сумароковой, Акбаше, Крым-Сарае и затем, получив известие, что Нагайбак уже занят Ю. Бибиковым, он повернул на оренбургскую дорогу и пошел на соединение с майором Варнстедтом.

Последний выгнал мятежников из деревень Рычковой и Дымской и двинулся к Сок-Кармалинской слободе, находившейся в 50 верстах от Бугуруслана, скорейшее занятие которого признавалось крайне необходимым.

Бугуруслан был ближайшим к нам пунктом, в котором мятежники устроили склады продовольствия, обеспечивавшие как отдельные шайки, так и толпу, стоявшую под Оренбургом. Уничтожение этих складов или взятие их значительно затруднило бы все предприятия возмутителей, и потому князь Голицын приказал находившемуся в окрестностях Черемшанской крепости полковнику Хорвату соединиться с отрядом майора Елагина, как можно скорее занять Бугуруслан¹⁰⁰ и войти в связь с отрядом генерал-майора Мансурова, наступавшим по Самарской линии.

Прибыв в Самару, Мансуров принял общее начальство над четырьмя легкими полевыми командами (22, 23, 24 и 25-й) и прежде всего принужден был иметь дело с калмыками, грабившими окрестности. Получив приказание главнокомандующего обратиться к калмыкам с увещанием, Мансуров отправил к ним воззвание, написанное Г.Р. Державиным.

«Собственно вам самим довольно известно, – писал Мансуров калмыкам¹⁰¹, – что вы с нами одной веры, одного с нами почитаете Бога. Собственно, вы также знаете, сколько вы имели милостей всемилостивейшей нашей государыни, быв от нее награждены как жалованьем, так землей и всеми угодами, и находились под ее щедрым покровом без утеснения, то и удивительно всем, что вы, быв до сего люди добрые, сделались ныне милосердой государыни изменниками.

Для того послано сие письмо к вам, чтобы вы, ежели от какого неразумения сделали сие, почувствовались и пришли бы в раскаяние. Кто вам сказал, что государь Петр III жив, после

⁹⁶ Две роты гренадер и егеря Владимирского полка, по одному эскадрону карабинеров и гусар, с тремя орудиями.

⁹⁷ Две роты гренадер Владимирского полка, эскадрон карабинеров и три полевых орудия.

⁹⁸ Рапорт князя Голицына генералу А.И. Бибикову от 29 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

⁹⁹ Рапорт его же от 22 января 1774 г. // Там же.

¹⁰⁰ Рапорт князя Голицына А.И. Бибикову 31 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

¹⁰¹ Гос. архив, VI, д. № 527. См. Соч. Державина, т. VII, с. 20.

одиннадцати лет смерти его? откуда он взялся? Но ежели б он был и жив, то пришел ли бы он к казакам требовать себе помощи? Нет разве на свете государей, друзей его и сродников, кто бы за него вступился, кроме беглых людей и казаков? У него есть отечество – Голштиния и свойственник – великий государь Прусский, которого вы силу, быв против него на войне, довольно знаете(?).

Стыдно вам, калмыкам, слушаться мужика, беглого с Дона казака, Емельяна Пугачева, и почитать его за царя, который сам хуже вас всех, для того что он разбойник, а вы люди честные. Стыдно вам повиноваться тому, который, может быть, от неприятелей наших турок подкуплен лить кровь нашу, стараться помрачить славу российскую и после сам вас погубит своим злодейством.

Не хотите вы терпеть господ, то не стыдно ли вам в то же самое время почитать крестьянина Арапова за своего господина, атамана, и во всем его слушаться. А особливо княгине вашей не стыдно ли иметь с ним дружбу? Для того, ежели вы рассудите и раскаетесь и принесете повинность своей всемилостивейшей государыне, то она вас своим матерним милосердием в манифесте уже прощает; ускорите пасть к ногам ее, доколь не постигнет вас всех праведный гнев ее и строгая казнь. Многочисленные полки ее, приблизясь, всех вас перебьют. Жалейте жизни своей, жен, детей своих и всего своего имения, которое все погибнет без остатка.

Видали вы при Алексеевском, как неустрашимо ее войско, то что вы будете делать, когда оно все на вас нападет? Где вы будете и куда спрячетесь? – вас земля не будет носить; от стрельняния ее пушек след ваш пропадет и прах ваш рассеется по ветрам. Отнюдь не надейтесь на самозванца вашего, он вас не защитит; он не царь ваш, он вас обманывает, а вы разве дураки все, что ему верите? Я вас уверяю своей головой, что он тотчас побит будет, как только соберутся и придут к нему полки. Вы же, как скоро принесете свою повинность, то простятся вам все ваши грабежи и преступления, и вы будете жить по-старому.

Жалеючи вас написано сие вам увещание. Подумайте и отвечайте: что вы еще хотите делать?»

Воззвание это не понравилось императрице. *«Оно такого слога, – писала Екатерина¹⁰², – что оно конечно не напечатаю»*. По содержанию воззвание это нельзя назвать удачным, и калмыки, не считая себя одной с нами веры, не касаясь политического вопроса, к кому бы Петр III должен был обратиться за помощью, к казакам или голштинцам, продолжали хищничать. В пять часов утра, 20 января, они под начальством Дербетова ворвались в город Ставрополь, и хотя в городе было 249 гарнизонных солдат, но они не оказали никакого сопротивления и не сделали ни одного выстрела. Калмыки захватили шесть пушек, разграбили лучшие дома и, уходя из города, увели с собою коменданта, бригадира фон Фегезака, надворного советника Милковича, батальонного командира Алашеева и секретаря Микляева. Все эти лица были потом найдены убитыми близ села Буяна, находившегося в 70 верстах от города.

Разграбление Ставрополя и известие, что калмыки намерены напасть на транспорт с провиантом, отправленный из Симбирска в Самару, заставили генерал-майора Мансурова командировать подполковника Гринева с его 22-й легкой полевой командой и ротой гусар к Красному Яру. Отступая от Ставрополя, Дербетов наткнулся на отряд Гринева, атаковал его, но был разбит и прогнан. Мятежники бросили пять пушек, захваченных ими в Ставрополе, потеряли 120 человек убитыми и 40 пленными. Поручив Гриневу преследовать мятежников до Чернореченска и зная, что полковник Хорват следует из Черемшана в Сергиевск на соединение с майором Елагиным для скорейшего занятия Бугуруслана, генерал-майор Мансуров просил его содействовать Гриневу в поражении калмыков.

¹⁰² А.И. Бибикову от 16 февраля // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 392.

Прибыв в Сергиевск, полковник Хорват не застал там майора Елагина, за несколько часов пред тем выступившего к Бугуруслану, и нагнал его близ деревни Захаркиной во время боя с калмыками, собравшимися здесь под начальством Дербетова в числе до 2 тысяч человек. Шедший в авангарде отряда Елагина Владимирского пехотного полка капитан Воронин, со 106 человеками пехоты, 30 гусарами и одним орудием, был встречен пред деревней выстрелами из трех орудий, а затем окружен мятежниками.

Воронин два часа отбивал атаки, пока подоспевший на поле сражения полковник Хорват не отправил ему в помощь весь отряд майора Елагина. Тогда мятежники отступили к деревне Захаркиной, но были выбиты и шесть верст преследуемы кавалерией. Оставив на месте сражения до 150 человек убитыми и одну пушку, калмыки рассыпались в разные стороны¹⁰³. Дальнейшее преследование их за чрезвычайно глубоким снегом оказывалось невозможным, и полковник Хорват на следующий день перешел в слободу Черкаскую, где не нашел мятежников, отступивших в Борскую крепость, находившуюся на Самарской линии.

Таким образом, в самом начале февраля было очищено от мятежников все пространство от границ Башкирии до реки Волги и далее на юг по рекам Ику и Кинели до Самарской линии.

Предоставив дальнейшие действия против толпы, скрывшейся в Борской крепости, генерал-майору Мансурову, полковник Хорват двинулся вверх по реке Кинели прямо к Бугуруслану, который и занял¹⁰⁴. Здесь он остановился в ожидании прибытия отряда князя Голицына, но последний, будучи занят заготовлением продовольствия как для себя, так и для Оренбурга, подвигался весьма медленно. Сформированный подвижной транспорт стеснял движение князя Голицына настолько, что он мог прибыть в Бугуруслан не ранее конца февраля. «Причиной тому, – доносил главнокомандующий императрице¹⁰⁵, – бездорожия и глубокие снега, тож подвоз пропитания степными местами слишком на триста верст. Но нет трудности, которую бы верные и усердные вам войска не преодолели. Я за них и за себя дерзаю ручаться, что если успех равен будет усердию, то увенчается и дело желаемым концом. Ни о чем так не прошу Всевышнего, чтобы благословил прибавить Он пропитание Оренбургу. Что всего опаснее».

Прошло четыре месяца с тех пор, как город этот, предоставленный собственным силам и средствам, был окружен со всех сторон мятежниками. Блокада эта не имела ничего характерного, ничего выдающегося, но была томительна для жителей, ощущавших недостаток в продовольствии. «По благодати Божией, – писал оренбургский губернатор, генерал Рейнсдорп, казанскому, фон Брандту¹⁰⁶, – здешнее общество находится в городе благополучно, только крайне беспокоит бедственное страдание граждан в хлебе, который давно у всякого изшел». Рейнсдорп принужден был сделать распоряжение о выдаче гражданам продовольствия из казенных магазинов, и таким образом провиант выдавался ежедневно более чем 16 тысячам человек. «Но ежели оно было бы достаточно, – писал оренбургский губернатор, – то б обойтись можно было, а то и казенный весь без остатка в расход вышел, следовательно, неминуемый наступает голод». Фуража для лошадей также не было, и их приходилось кормить хворостом, для рубки которого посылались команды, но редко с успехом. Мятежники зорко следили за всеми выходящими из крепости и старались захватить в плен, нападая на команды в несоразмерно большем числе. Положение оренбургского гарнизона и жителей с каждым днем становилось хуже. Началось дезертирство из города, и высылаемые казачьи партии приводили мало

¹⁰³ Рапорт полковника Хорвата генерал-майору Мансурову от 6 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

¹⁰⁴ Рапорт полковника Хорвата князю Голицыну от 8 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

¹⁰⁵ В собственноручном письме от 5 февраля // Бумаги Бибикова, изд. Я.К. Грота. Записки Академии наук, т. I, прилож., с. 57.

¹⁰⁶ От 4 января 1874 г. «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце Емельяне Пугачеве произведенного, об обстоятельствах с ним, Пугачевым, и с изменническою его толпой происшедших, и какие притом здешние распоряжения и действия учинены».

пленных. Яицкие казаки и татары, бывшие в Оренбурге, находились под командой коллежского советника Тимашева. «Он хотя человек усердный, – писал современник¹⁰⁷, – но толще покойного князя Ивана Васильевича Одоевского и много на него похож». По своей тучности Тимашов никогда не выходил за ворота и все, что доносили ему казаки, считал истиной. Разведки производились плохо, и что делалось за чертой города – никто ничего не знал. Надежды на скорую помощь не было; добыть продовольствие извне было невозможно. Самым лучшим исходом для города и гарнизона был бы штурм. Никто не сомневался, что последний будет отбит, и тогда бы, пользуясь деморализацией противника, можно было перейти в наступление, захватить запасы в Берде и хотя бы на некоторое время обеспечить себя продовольствием. Но Пугачев понимал, что с таким ополчением, какое было у него, взять Оренбург невозможно, а от дезертиров знал то бедственное положение, в котором находится население, благодаря недостатку продовольствия. Он решился предоставить голоду сделать свое дело и не предпринимать штурма, тем более что в это время самозванец мечтал о возможности овладеть Яицким городком, куда отправил часть своих сил, а потом и сам уехал по приглашению казаков.

¹⁰⁷ Федор Сукин в письме петербургскому губернатору от 8 апреля 1774 года // Рукописная книга из собрания графа Уварова, № 559.

Глава 4

Меры, принятые полковником Симоновым к защите Яицкого городка. – Деятельность Толкачева. – Перестрелка гарнизона с казаками. – Прибытие Пугачева в Яицкий городок. – Минные работы мятежников. – Взрыв подкопа и попытка казаков штурмовать укрепления. – Выбор атамана и старшин. – Посылка Овчинникова за порохом в Гурьев городок и возмущение в нем. – Новый подкоп. – Женитьба Пугачева на Устинье Кузнецовой. – Взрыв минного колодца под колокольней. – Отъезд Пугачева под Оренбург. – Жизнь Устиньи в Яицком городке. – Ее придворный штат. – Переписка с Пугачевым. – Переговоры Перфильева с капитаном Крыловым.

Посланный самозванцем для действия против Яицкого городка казак Михаил Толкачев проехал через киргизские урочища на Миргеневский форпост и затем пошел по Яику (Уралу), забирая с собою всех казаков. Набрав таким образом толпу до 300 человек, Толкачев в конце декабря подошел к Яицкому городку¹⁰⁸.

Комендант, полковник Симонов, еще после первого появления Пугачева принял меры к защите и успел возвести непрерывную линию укреплений. Упираясь обоими концами в Старицу (старое русло реки Лика), укрепления заключали в своей черте часть города и главные здания: дом войсковой канцелярии, гауптвахту и проч. В черте укреплений, или так называемого ретраншемента, находилась и соборная церковь с высокой колокольней. Та и другая составляли одну линию с валом переднего фаса. Колокольня имела вход на самый верх, причем под колоколами были два помоста с восемью окнами, расположенными на все стороны. На этих помостах были поставлены две трехфунтовые пушки и расположены искуснейшие стрелки. Поднятые на значительную высоту и имея широкий обстрел, пушки эти наносили сильный вред, и дальность их выстрела достигала одной версты.

Внутри укреплений был помещен провиант, порох, сделан запас дров и устроены землянки для нижних чинов.

В таком положении полковник Симонов мог считать себя до некоторой степени обеспеченным от штурма и надеялся удержать город до прибытия подкреплений.

Получив 29 декабря известие о приближении Толкачева с толпой, Симонов выслал навстречу ему старшину Мостовщикова с 80 человеками оренбургских и яицких казаков. Выступив в ночь на 30 декабря, Мостовщиков в семи верстах от города был окружен мятежниками, которые захватили в плен 24 человека оренбургских казаков и присоединили к себе добровольно передававшихся всех яицких. Трое оренбургских казаков успели избавиться от плена и пред зарей прискакали обратно в город¹⁰⁹. Выслушав их показание, Симонов приказал ударить в набат, служивший сигналом, но которому все желающие казаки должны были перейти в ретраншемент под защиту войск¹¹⁰. Таких набралось не более 70 человек, а большинство осталось в домах из опасения, чтобы Толкачев не выжег города и не предал смерти их жен и детей. Опасение это было тем более основательно, что Толкачев всех противившихся ему вешал или бросал в воду с камнями на шее. Так он утопил атамана Федора Бородина и старшину Мостовщикова, повесил нескольких священников и казаков.

¹⁰⁸ Показание Толкачева 14 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467.

¹⁰⁹ Журнал действий команды в яицком ретраншементе с 30 декабря 1773 г. по 16 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

¹¹⁰ А.С. Пушкин обвиняет Симонова в робости, но это едва ли справедливо. Осторожность не есть робость, а между тем ни в одном из многочисленных показаний мы не встретили ни одного намека в подтверждение этого факта, да и сам капитан Крылов, считавший себя недостаточно награжденным, изложил свои заслуги в письме Г.А. Потемкину, но не упомянул, что он распоряжался вместо Симонова.

Утром 30 декабря Толкачев подошел к Яицкому городку и был сочувственно принят жителями. Призвав к себе духовенство и собрав круг, он объявил указ о вступлении на престол императора Петра III и приказал упоминать в церквах его имя и имя наследника цесаревича. Вслед за тем он двинулся к ретраншементу и вместе с присоединившимися к нему городскими казаками открыл огонь. Засев в высокие избы и забравшись под кровли, мятежники были безопасны от ружейного огня из укреплений и, напротив, сами могли бить на выбор. Поэтому Симонов приказал стрелять преимущественно из орудий и направлять огонь на ближайшие строения; но каленые ядра пробивали насквозь деревянные стены домов и, падая в снег, потушили. Тогда трое солдат 6-й легкой полевой команды вызвались зажечь руками ближайший двор, что и исполнили с успехом и без всякого вреда для себя. Пожар быстро распространился по всему городу, мятежники стали разбегаться, преследуемые выстрелами из ретраншемента.

С наступлением вечера гарнизон произвел вылазку и успел зажечь еще несколько строений. Такие вылазки и поджигание домов продолжались три дня сряду, и пред ретраншементом образовалась обширная обгорелая площадь шириной от 25—100 сажен. В глубине ее виднелись устья улиц, расходившихся в разные стороны и заваливаемых баррикадами. Желая преградить доступ к своим жилищам, казаки строили завалы в несколько бревен толщиной, проделывали в крайних избах бойницы и устраивали насыпи в разных местах под батареи¹¹¹. Сознавая, что и этих мер недостаточно, чтоб обеспечить себя от вылазок гарнизона, владевшего достаточным числом орудий, Толкачев отправил в Берду донесение о своей деятельности, с просьбой прислать ему помощь, а главное – пушек. Он писал, что занял город, но только потому, что казаки не сопротивлялись; что Симонов заперся в ретраншементе, и так как Дусали-султан киргизский не прислал ни одного человека, то овладеть ретраншементом он не в силах. Пугачев тотчас же послал в Яицкий городок атамана Овчинникова с 50 казаками, тремя пушками и одним единорогом, а через несколько дней поехал туда и сам, в сопровождении восьми человек конвоя¹¹².

На другой день после Крещения, 7 января, Толкачев прислал сказать духовенству, что государь едет в город и приказал выйти к нему навстречу всем собором. Облачась в ризы, духовенство вышло за город с крестами и образами, а казаки с хлебом и солью. Пугачев приложился ко кресту, а потом принял хлеб-соль и поцеловал их. Увидев в толпе своего знакомого Дениса Пьянова, самозванец обратился к нему с вопросом:

– Ну что, узнаешь ли ты меня?

– Как не узнать! Ведь дело-то недавно было.

– Смотри же, я не Емельян Иванов, а государь ваш Петр Федорович. Я хлеб-соль твою помню и тебя не забуду.

После обычной церемонии целования руки самозванец отправился прямо в дом Толкачева¹¹³, а затем вышел посмотреть на укрепления, построенные Симоновым. Выбрав наиболее удобное, по его мнению, место, Пугачев приказал строить на нем батарею и приступить к устройству подкопа под одну из фланговых батарей ретраншемента, более других опасную для жителей города. Для этого, по приказанию самозванца, было собрано до 150 человек рабочих и 11 человек плотников, руководителем коих был выбран мордвин Пензенского уезда Яков Кубарь. Вся эта толпа под предводительством самого Пугачева отправилась в погреб казака

¹¹¹ Журнал действий команды в яицком ретраншементе. Показания казака Ивана Харчова и пономаря Петра Живетина // Гос. архив, VI, д. № 506 и 508. См. также статью «Оборона Яика от партий мятежников» в «Отечественных записках» (1824, ч. XIX). Статья эта с небольшими изменениями перепечатана в Архиве князя Воронцова (кн. XVI, с. 470). А.С. Пушкин рассказ о происшествии под Пиком основал на этой статье, но она во многом неверна, а главное – преувеличена опасность положения гарнизона, его потери и проч.; точно такого же характера и статья «Яицкое казачество 1680–1774» (Русский вестник, 1863, № 8). Рассказ о штурме также преувеличен и отчасти искажен.

¹¹² Показание Пугачева 4 ноября 1774 года; Показание Якова Почиталина // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

¹¹³ Показание пономаря Петра Живетина // Гос. архив, VI, № 508.

Ивана Губина, находившийся в 50 саженях от батареи, и тут самозванец «сам в стене, зачертив три аршина в ширину и три аршина в длину», приказал Кубарю вырубить стену и рыть подкоп. Пугачев показывал, как производить работу, и по нескольку раз, днем и ночью, приходил в погреб, чтоб следить за ее ходом. «Освещали оный подкоп, – показывал Кубарь¹¹⁴, – множеством салных и восковых свечей. Во время работы приказывал он мне, чтобы не шумели, работы производили бы тихо и отдушины делать почаще, – сажени три, четыре и пять одна от другой». Подкоп вели в прямом направлении, и когда он достиг до 50 сажен длиной, то Пугачев приказал прекратить работы, говоря, что теперь подошли уже под вал укрепления. В конце подкопа была поставлена бочка, в которую насыпали до 10 пудов пороха и покрыли его тряпичей. Часа за три до рассвета, 20 января, Пугачев приказал яицким казакам быть готовыми и как только последует взрыв, то штурмовать ретраншемент. Сам же он вместе с

Кубарем и одним работником спустился в галерею «с зажженной свечой, сделанной из воска, с особливою светильней, намазанной незнаемо чем-то для того, чтоб от духа она не погасла». Установив свечку в середине бочонка, не закрыв отдушин и не сделав забивки горна, самозванец вышел из галереи. Когда свеча догорела, последовал взрыв, причинивший весьма малый вред укреплению, но разрушивший часть контрэскарпа, осевшего в ров настолько, что последний был засыпан почти до половины. Дым от взрыва не успел еще рассеяться, как огромная толпа мятежников, среди которой были видны женщины, бросилась штурмовать укрепление. До двухсот человек спустились в ров и, при помощи лестниц, пытались взобраться на вал, но, встреченные штыками, они не могли овладеть укреплением. По собравшимся на площади казакам был открыт картечный и ружейный огонь, заставивший их разбежаться с огромной потерей. Скрывшись по улицам и не смея показаться на площадь, казаки засели в крайних домах и открыли огонь по ретраншементу, но как расстояние до него было теперь довольно значительно, то выстрелы их и не причиняли особого вреда гарнизону.

Между тем спустившиеся в ров мятежники подкапывали насыпь, рубили заплотные столбы и пытались снова взобраться на вал, но все их попытки оказались безуспешными. Будучи отрезаны от своих целой площадью, обстреливаемой сильным картечным огнем, они не могли ожидать помощи и были не страшны гарнизону. Сначала на них сыпали горячую золу и лили вар, а потом произведена была вылазка под начальством подпоручика 6-й легкой полковой команды Полстовалова. Принятые в штыки, мятежники, после слабого сопротивления, были выгнаны из рва, и как только появились на площади, их осыпали картечью и ружейными пулями. Большинство их было или убито или ранено, и штурм укрепления, продолжавшийся около десяти часов, лишил Пугачева до 400 человек его сообщников; потеря гарнизона состояла из 15 человек убитыми и 22 ранеными¹¹⁵. Опасаясь вылазок, казаки усилили караулы на баррикадах и обвинили Кубаря в измене, говоря, что он нарочно вел подкоп не туда, куда следовало. Пугачев хотел его повесить, но один из казаков, бывших в толпе, выстрелил и ранил Кубаря в живот. Самозванец приказал отыскать другого минера и, собираясь уехать в Берду, велел вести новый подкоп под церковь, так как казаки уверили его, что пороховой погреб гарнизона находится под колокольной.

Пред отъездом Пугачев приказал яицким казакам выбрать себе атамана и за несколько дней спрашивал разных лиц, кого бы они желали иметь своим начальником. Большинство указывало на казака Никиту Каргина, человека жестокого по характеру, но набожного, «для спасения своей души и богомолий» жившего в пустыне на реке Ташле, находившейся в 100 верстах от Яицкого городка и недавно приехавшего повидаться с семьей. Самозванец призвал к себе Каргина, посмотрел на него пристально и отпустил.

¹¹⁴ Показание Кубаря 15 мая 1774 г. // Там же, № 467.

¹¹⁵ Журнал действий команды в яицком ретраншементе с 30 декабря 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV; Показание Ивана Почиталина 8 мая 1774 года // Гос. архив, VI, д. № 506; Оборона крепости Яика (Отечественные записки, 1824, ч. XIX, № 52).

– Поди теперь домой, – сказал Пугачев, – а впредь будешь ты мне надобен.

Через несколько дней самозванец опять призвал к себе Каргина и отправился с ним на площадь, где собран был казачий круг. Там, по приказанию Пугачева, казак Иван Герасимов прочел прежний указ самозванца, в котором он жаловал казаков землей и вольностью, рекой Яиком со всеми впадающими в нее реками и протоками.

– Извольте, яицкое войско, – сказал затем Пугачев, – выбрать себе атамана и старшин, по прежнему вашему обыкновению, кого хотите – отдаю это на вашу волю. Если выбранные атаманы и старшины не станут делать войску угодность и казаки будут ими недовольны, то отдаю на их волю, хоть через три дня, старого атамана и старшин сменить, а на место их выбрать других старшин, в кругу, по общему совету.

– Довольны, батюшка, надежда-государь, – кричали одни, – вашей царской милостью!

– То-то отец-то, – кричали другие, – отдает на нашу волю выбор атамана! Он старинный наш обычай по-прежнему хочет восстановить.

После непродолжительных совещаний казаки указали на Никиту Каргина, Афанасия Перфильева, присланного пред тем из Берды с письмами к самозванцу, и на Ивана Фофанова. При этом они объявили, что первого выбирают атаманом, а последних двух старшинами.

Услышав это, Каргин, «не желая быть в таком большом достоинстве», стал перед самозванцем на колени и просил его уволить от этой должности.

– Помилуй, ваше величество, – говорил он, – я этой должности за старостью и неумением грамоте снести не могу.

– Как! Так ты поэтому мне служить не хочешь? – спросил с сердцем Пугачев. – Весь мир теперь обращается ко мне, а ты один хочешь противиться?

– Я рад тебе послужить, – отвечал Каргин.

– Поздравляю вас, яицкое войско, – сказал Пугачев, обращаясь к кругу, – с выбранными вами старшинами, будь по-вашему, я воли с вас не снимаю.

– Благодарствуем, – кричали казаки, – на твоей царской милости.

Самозванец отправился в дом к Толкачеву, а казаки вызвали в средину круга трех выбранных и, сняв шапки, стали просить их принять на себя обязанности по управлению войском.

– Пожалуй, господин атаман и старшины, – говорили, кланяясь, казаки, – примите на себя этот труд, послужите нам, яицкому войску, верою и правдою.

– Мы, яицкое войско, не имеем большого разума, – отговаривались выбранные, – да и недостойны управлять вами.

«Но напоследок, – показывал Перфильев¹¹⁶, – по многим с обеих сторон перекорам (кои у них обыкновенно и прежде при таких выборах в кругах бывали, и хотя бы кто и сам того чина домогался, однако же всегда в кругу отговариваются от принятия оного для того, чтобы больше их просили и чтобы тем показать свое бескорыстие), приняли на себя налагаемые чины».

– Ну, будь воля ваша, яицкое войско, – отвечали выбранные и вступили в свои должности.

Пугачев предоставил им разбирать судные дела и виновных в незначительных преступлениях наказывать самим, «а если будут какие противники намерениям нашим [то есть самозванца] и оказывающиеся в важных винах» [преступлениях], то о таковых доносить и ожидать указа. Для таких пощады не было и решение бывало одно: *повесить* или *казнить смертью*.

Уезжая в Берду, Пугачев отправил Овчинникова в Гурьев городок с приказанием забрать там весь порох, какой есть, и доставить его в Яицкий городок.

26 января Овчинников с несколькими яицкими казаками прискакал в Гурьев городок, население которого, как состоящее исключительно из казаков, тотчас же присоединилось к прибывшим. Небольшое число жителей, не казачьего сословия, торопилось запереться в

¹¹⁶ В сентябре 1771 г. // Гос. архив, VI, д. № 125.

кремле, но многие не успели этого сделать и были захвачены казаками. Отправлявший службу священник Михайло Яковлев, узнав о появлении мятежников, взял с престола крест и Евангелие и в полном облачении хотел также бежать в крепость, но, видя, что мятежники уже на площади, заперся в церкви с немногочисленными прихожанами, по преимуществу женщинами и малолетками. Казаки с бранью требовали, чтобы церковь была отворена, и после отказа стали ломать западные двери. Тогда Яковлев отворил двери, и мятежники, ворвавшись в церковь, «бегали в царские и другие двери, по алтарю и все священнические одежды по полу разметали, в церковное окно несколько выстрелов из ружей сделали и побили народу человек до пятнадцати».

На другой день Овчинников повесил атамана Филимонова, писаря Жерехова, священника Дмитрия и человек до десяти жителей¹¹⁷. Забрав весь порох, снаряды и орудия, Овчинников отправился в Яицкий городок, куда почти следом за ним приехал опять и Пугачев, с намерением лично руководить минными работами.

Он приказал собрать до сотни рабочих не из казаков, а из поденщиков, приходивших на Яик со всех концов России. Собранные крестьяне стали было отказываться от работ, но когда семь человек были за это повешены, то остальные подчинились распоряжению и под руководством Матвея Ситного приступили к работе. Работу, как и прежде, начали из погреба дома, находившегося сажень в ста от колокольни. Рыли галерею шириной в сажень, а высотой в рост среднего человека, и не прямо, а зигзагами, «то в ту, то в другую сторону». Пугачев приказал делать эти «повороты, сказывают, для того, что опасался Симонова, чтобы не вышел также подкопом против их на встречу, а чтобы свечи не гасли, так вертели вверху часто отдушины большим коленчатым буравом»¹¹⁸. Самозванец лично следил за работами, производившимися безостановочно, и дал отдых рабочим только в день своей свадьбы, последовавшей вскоре после вторичного его приезда в Яицкий городок.

Окруженный разнохарактерной толпой и будучи сам далеко не самостоятельного характера, Пугачев легко поддавался постороннему влиянию и был игрушкой в руках лиц, преследовавших свои личные и узкокорпоративные цели. По совету таких лиц он задумал жениться, и притом непременно на казачке.

– Ты как женишься, – говорили советники, – так войско яицкое все к тебе прилежно будет.

Одоблив эту мысль, Пугачев собрал к себе старшин и советовался с ними. Старшины говорили, что надобно еще подождать и не торопиться женитьбой.

– Ты, – заметили они, – не основал еще порядочно царство.

– В том есть моя польза, – отвечал на это с сердцем самозванец.

«А как пред сим, – показывал впоследствии Михайло Толкачев, – Пугачев трех девок из Яицкого городка в Берду уже взял и с ними в одной кибитке жил, то старшины, чтобы впредь такого похищения не мог сделать, и притом видя его наклонности, рассудили согласиться с желанием самозванца».

– Когда есть в том, государь, ваша польза, – сказали они, – то женитесь.

Пугачев избрал своими сватами Толкачева и Почиталина, которые и отправились в дом казака Кузнецова, зная, что у него есть дочь, шестнадцатилетняя Устинья, «девица хорошая и постоянная, а притом и Пугачев уже о ней слышал».

В то время казака Петра Кузнецова не было дома: он уехал на погребение умершего племянника. Единственная его дочь Устинья, за несколько лет пред тем лишившаяся матери, сидела дома сам-друг со снохою своей, Анной Григорьевой. Заметив, что к воротам дома подъ-

¹¹⁷ Донесение Синоду Мефодия, архиепископа Астраханского от 20 мая 1774 г. // Архив Синода, д. № 3.

¹¹⁸ Показание Рыбной слободы дворцового крестьянина Петра Таркова 16 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467.

ехали Михайло Толкачев с женой и Иван Почиталин, Устинья хотела было спрятаться, но была удержана приехавшими.

– Не бегай, – говорили гости, – мы приехали тебя посмотреть и хотим высватать за гвардионца.

Устинья остановилась молча, и гости, «побыв малое время», уехали, а через несколько часов приехали опять в сопровождении нескольких человек казаков. Увидя в своих сенях гостей, молодая девушка испугалась и спряталась под пол.

– Где Устинья? – спрашивали приезжие, входя в избу.

– Не знаю, – отвечала сноха.

– Ведь ей не убежать! – говорили казаки, уходя и бранясь, что не застали дома.

Вышедшая из подполья Устинья была в большом смущении и не знала, что вокруг ее совершалось.

– Что они, дьяволы, псовы дети, ко мне привязались! – говорила она, жалуясь снохе.

Между тем приехали домой ее братья, Андрей и Егор, и почти следом за ними и в третий уже раз сваты, с большим числом казаков. Устинья убежала в соседнюю горницу, но по приказанию приехавших, «запросто, без всякого наряда», была приведена снохой. Сконфуженная девушка стояла, прислонившись к печке, пред многочисленным собранием, «и не успели ей еще никто и ничего сказать», как сам Пугачев вошел в двери и сел на лавку.

– Покажите мне невесту, – сказал самозванец.

Сноха взяла Устинью за руку и подвела к Пугачеву.

– Хороша, – проговорил он, – хороша!.. Поздравляю тебя, ты будешь со временем все-русской царицей.

Самозванец вынул несколько серебряных денег, рублей тридцать, и передавая их своей невесте, поцеловал ее.

В самый разгар этой сцены вернулся домой отец нареченной царицы, отставной казак Петр Кузнецов. Трудно было ему понять, что происходило в доме, но недоразумение его скоро разъяснилось.

– Ты хозяин? А это дочь твоя? – спрашивал Пугачев.

– Да, – отвечал Кузнецов.

– Я намерен на ней жениться, и спасибо тебе, что кормил и поил ее.

Кузнецов бросился самозванцу в ноги «и плакал горько о том, что она молодехонька, принуждена идти замуж неволею».

– Меня некому ни обшить, ни обмыть, – говорил он, – а старухи [жены] не имею.

– Чтобы к вечеру готово было к сговору, – сказал строго Пугачев, – а завтра быть свадьбе. Эти слова еще более огорчили отца и дочь, и они были в «великих слезах».

– Не плачь и готовься к венцу, – сказал самозванец и вместе со своими сообщниками оставил на время дом Кузнецова.

Перед сумерками жених прислал Устинье сарафан и рубашку голевую, сорочку и шубу длинную лисью и приказал к вечеру снарядиться, «что она в той горнице у печки и исполнила; убрали ее подружки, а первая тут сваха была жена Толкачева».

«Устинья, – показывал Иван Почиталин, – сперва не хотела было за него идти, равным образом и отец не очень был доволен, потому больше, что их дело казачье, а отдают дочь за царя, так не скоро привыкнет к царской поступи». Так думал один из ближайших наперсников Пугачева, но чистая по натуре Устинья не могла и впоследствии свыкнуться со своей горькой долей, и инстинкт подсказывал ей, что сначала жених, а потом муж был не кто другой, как самозванец.

Одетая в нарядное платье, она все у той же печки дождалась приезда Пугачева. Последний посадил невесту рядом с собою и приказал подносить вино: пили, в лице Пугачева, за здоровье Петра III, великого князя Павла Петровича и супругу его Наталью Алексеевну, пили

за невесту, почти за каждого из присутствовавших, и вообще пьянство продолжалось до самой утренней зари.

Утром Пугачев с поезжанами и большою свитой приехал за невестой и вместе с нею отправился в церковь Петра и Павла, где собрано было духовенство всего Яицкого городка. Церемония поезда состояла на том, что впереди жениха и невесты ехало множество казаков со знаменами и значками разных цветов. В церковь были допущены самые близкие, а вся остальная свита расположилась кругом в ожидании парадного салюта. Служили всем собором, но кто именно венчал – Устинья не видала, «ибо покрыта была фатой и горько плакала». По окончании венчания был произведен салют из ружей и новобрачные принимали поздравления, допуская к руке всех присутствовавших. Заплатив духовенству двадцать рублей, Пугачев приказал, чтоб Устинью «поминали на ектениях *благоверной императрицей*», и затем новобрачные отправились в дом Толкачева, где был приготовлен парадный обед. Во время тостов и поздравлений все называли Устинью благоверной государыней и подходили к ее руке. После обеда церемония окончилась подарками родным невесты и некоторым из приближенных самозванца. Отец молодой, Петр Кузнецов, получил в подарок лисью шубу; сестра Устиньи, Марья, бывшая замужем за казаком Семеном Шелудяковым, получила пять аршин канавату и пять аршин голи; казак Денис Пьянов – пять рублей деньгами, а остальные были награждаемы зипунами и бешметами разной цены и достоинства. В тот же день ко мнимой государыне были назначены из казачек две фрейлины: Прасковья Чапурина и Марья Череватая, а главной надзирательницей за всем домом Аксинья Толкачева, жена сподвижника самозванца¹¹⁹.

Вся эта церемония не отуманила Устинью и не вселила в ней убеждения, что из простой казачки она стала чем-то особенным. Она не верила в свое возвышение и старалась выяснить свое положение.

– Подлинно ли ты государь? – спрашивала она наедине Пугачева. – Я сомневаюсь в том, потому что ты женился на простой казачке. Ты меня обманул и заел мою молодость: ты человек старый, а я молодешенька.

– Я со временем бороду-то обрею, – отвечал самозванец, – и буду тогда помоложе.

– Без бороды казаки тебя любить не будут.

– Я сам не люблю бороды брить, – сказал Пугачев, как бы спохватившись, что проговорился, – а сделаю это в угодность разве тебе одной.

– Ведь ты имеешь государыню – как ее бросить! А нигде не водится, чтоб иметь две жены.

– Какая она мне жена, когда с царства свергнула – она мне злодейка.

– Так тебе ее не жаль?

– Нисколько; жаль только Павлушу, он законный мой сын, а ей, как Бог допустит в Петербург, срублю голову.

– Тебя туда не допустят. У государыни людей много, тебе прежде срубят голову.

– Я скоро возьму Оренбург и тогда до Питера дойду беспрепятственно.

– До Питера еще много городов.

– Только бы Оренбург взять, а там все ко мне преклонятся¹²⁰.

Оренбург-то взять было трудно, а Яицкий городок казалось легче. Подкоп приходил к концу, и в половине февраля минеры дорылись до камня, очевидно фундамента колокольни. Тогда самозванец приказал не двигаться более вперед, а вырыть в конце подкопа глубокую яму, чтобы положить в нее бочонки с порохом. Все рабочие были распущены по домам с приказа-

¹¹⁹ Ср. с рассказом А.С. Пушкина (*Пушкин А.С. Соч.*, т. VI, изд. 1881 г., с. 49).

¹²⁰ Показания: Пугачева 4 ноября 1774 г.; Михаила Толкачева, Устиньи Кузнецовой, Петра Кузнецова, Марьи Шелудяковой, Никиты Каргина, дьячка Ивана Корчагина, пономаря Петра Живетина, Ивана Почиталина и других // Гос. архив, VI, д. № 506, 512 и 467.

нием не выходить из них в течение нескольких дней, пока Ситнов с приближенными Пугачева успеют зарядить колодезь и произвести взрыв¹²¹.

Между тем в полночь, 19 февраля, явился в укрепление к Симонову малолеток, казачий сын Иван Неулыбин, и объявил, что казаки намерены вновь атаковать укрепление и что они подвели подкоп под колокольню. Неулыбин был принят сначала за человека, подосланного Пугачевым, чтобы подобным известием поколебать гарнизон, заставить его снять посты, ближайшие к колокольне, и тем облегчить мятежникам доступ к этому пункту. Тем не менее известие это не могло быть оставлено без всякого внимания, и полковник Симонов приказал вывезти весь хранившийся под колокольной порох и приступить к устройству контрминной галереи. Едва только успели вывезти часть пороха, как последовал взрыв, и колокольня, говорит очевидец, «с удивительной тихостью начала валиться в ретраншемент. На самом вершине спали три человека; не разбудя, их снесло и с постелями на землю, чему, по высоте здания, трудно даже поверить; бывшую наверху пушку с лафетом составило на низ. Хотя падение было тихо и камни, не быв разбросаны, свалились в груду, однако около 45 человек лишились при сем жизни»¹²².

Лишь только последовал взрыв, Симонов приказал тотчас же открыть артиллерийский и ружейный огонь, предполагая, что мятежники попытаются овладеть укреплением; но казаки не решились на приступ. В темноте слышны были только крики и понукания старшин.

– На слом! – кричали они. – На слом, атаманы-молодцы!

Казаки не слушались и вперед не подвигались, а, засев за своими завалами, ограничивались одним криком. Не видя никого вблизи укреплений, полковник Симонов приказал уменьшить огонь, и хотя штурм не было, но крики и визг продолжались до света.

19 февраля в городке было замечено большое движение, которое продолжалось и на следующий день. То были сборы в дорогу и отъезд Пугачева в Берду.

– Смотри же, старик, – говорил самозванец, обращаясь к Каргину, – послужи мне верою и правдою. Я теперь еду в армию под Оренбург и возвращусь оттуда скоро, а государыню здесь оставляю. Вы почитайте ее так, как меня, и будьте ей послушны.

Избрав лучший в городке дом старшины Андрея Бородина, Пугачев поместил в нем свою молодую жену со всем придворным ее штатом и приказал, чтоб у ворот ее дома был постоянный караул из яицких казаков. Ближними при ней были назначены: отец, Петр Кузнецов, Михайло Толкачев и Денис Пьянов. Пугачев требовал, чтоб Устинья писала ему письма, и как она была неграмотна, то оставил ей форму и приказал подписываться так: *Царица и государыня Устинья*. Она исполняла приказание мужа в точности и в ответ получала письма самозванца, почти всегда с препровождением каких-либо вещей или денег, которые она была обязана хранить до востребования.

«Всеавгустейшей, державнейшей великой государыне императрице Устинье Петровне, – писал Пугачев¹²³, – любезнейшей супруге моей радоваться желаю на несчетные деты. О здешнем состоянии, ни о чем другом сведению вашему донести не нахожу: но сие течение со всей армией все благополучно, напротив того я от вас всегда известного получения ежедневно слышать и видеть писанием желаю. При сем послано от двора моего с подателем сего, казаком Кузьмою Фофановым, семь сундуков за замками и за собственными моими печатями¹²⁴, которые, по получении, вам что в них есть не отмыкать и поставить к себе в залы, до моего императорского величества прибытия. А фурман один, который с сим же Фофановым посылается,

¹²¹ Показание крестьянина Петра Таркова 16 мая 1774 г. // Там же, д. № 467.

¹²² Оборона крепости Яика // Отечественные записки, 1824, ч. XIX, № 52, с. 171.

¹²³ Письмо это писано из-под Оренбурга, но без числа и месяца (Гос. архив, VI, д. № 418).

¹²⁴ Печати эти, по приказанию самозванца, были вырезаны ему в Яицком городке серебряных дел мастерами, дворцовыми крестьянами Рыбной слободы Иваном Токрановым, Иваном Рыжим, Петром Владимировым и армянином, жившим в городке (см. показание Горшкова // Там же, № 467).

о чем по получении сего имеет принять и в крайнем смотре содержать; сверх того, что послано съестных припасов, тому при сем прилагается точный реестр. Впрочем, донеся вам, любезная моя императрица, остаюсь я великий государь».

Зная, что Устинья будет соблюдать его интересы и что она находится под охраной постоянного караула, Пугачев избрал дом Бородина складочным местом всего награбленного имущества¹²⁵.

Устинья жила в городке скромно, тихо и почти никуда не выходила. Время она проводила преимущественно в беседе со своими фрейлинами и подругами, а мужской персонал бывал в ее горнице редко. Толкачев, с отцом Устиньи и Денисом Пьяновым, «как стражи ближние ее здоровья», жили в том же доме, но в отдельном помещении, и с нею вместе обедать «они не осмеливались», а обедали с Устиньей фрейлины и иногда жена Толкачева. Ежедневно поутру приходил к ней атаман Каргин или вместе со старшинами и рапортовали о состоянии постов. Устинья выслушивала их рапорты, и «хотя принимала всех ласково, однако ж никого не сажала». По праздничным дням все представители власти приходили к ней на поклон и целовали руку¹²⁶.

– Не дайте меня в обиду, – говорила она обыкновенно пришедшим, – ведь от государя на ваши руки я отдана.

Когда Каргин или его помощники спрашивали приказаний Устиньи, она всегда отклоняла от себя всякое вмешательство в дела.

– Мне до ваших дел никакой нужды нет, что хотите, то и делайте.

Имея категорическое приказание самозванца держать Симонова в блокаде и сохранять учрежденные посты без всякой отмены, Каргин буквально исполнял приказание, и осада гарнизона не выражалась никакими особенно энергическими действиями со стороны казаков. Они построили несколько новых батарей и баррикад, но постройки эти не усилили блокады и не причиняли особого вреда гарнизону. Видя, что овладеть укреплениями казакам очень трудно и почти невозможно, Перфильев старался вступить в переговоры и имел свидание с капитаном Крыловым, высланным для этой цели из ретраншемента полковником Симоновым. Перфильев старался убедить Крылова, что Пугачев не самозванец, а истинный государь Петр III, и гарнизону необходимо сдать ретраншемент.

– Долго ли вам противиться батюшке нашему государю Петру Федоровичу? – говорил Перфильев. – Пора вам образумиться и принести покорность.

– Перестань ты, Перфильев, злодействовать, – отвечал Крылов, – и быть участником в злых делах разбойника, которому вы служите. Помянул бы ты Бога и присягу свою в верной ее императорскому величеству службе и старался бы исполнить то высочайшее повеление, с коим ты отправлен из Санкт-Петербурга от всемилостивейшей государыни.

– Меня нечего увещать и учить, а послушай-ка лучше моего совета. Я знаю, с чем я послан от государыни, да мне там сказали, что будто бы батюшка наш донской казак Пугачев, но вместо того это неправда. Приехав к нему, я нашел, что он подлинный государь, так не могу злодейства предпринять против законного нашего государя. Да что и вы стоите, ведь ежели не

¹²⁵ В разное время в дом Бородина для хранения было прислано: денег серебряною монетой 2 тыс. руб.; 9 фунтов серебра толщиной в большой палец и длиною в пол-аршина и более; 9 ковшиков серебряных вызолоченных, таких, какие обыкновенно жаловались казакам высочайшими особами; сорока, низанная жемчугом; маленький медный сундучок, в котором лежало множество ширинок, канаватных, а сверху кушак мужской золотой и стояла целая банка, насыпанная жемчугом; здесь же находилась и коробочка с шестью парами серег с подвесками и камнями и четыре кольца золотые. Сундук, в котором лежали: один стакан золотой и 15 серебряных, перстень, о котором Пугачев писал Устинье, что стоит 500 рублей; два перстня с красными камешками, два больших серебряных подноса и 40 серебряных ложек. Сверх того, в зале Устиньи стояли семь огромных сундуков, в которых находились: в № 1 – материи кусками и 25 серебряных чарок; в № 2 – мужские бешметы и казачьи уборы с позументом; в № 3 – двадцать шуб мужских и женских; в № 4 – меха лисьи и беличьи; в № 5 – серебряные стаканы, чарки, подносы и подсвечники; в № 6 – бобры, кумачи и китайки; в № 7 – белье, выбойки и домашняя мелочь. Кроме этих сундуков, в кладовой на шесте висело много шуб и других вещей, как мужских, так и женских.

¹²⁶ Показание Никиты Каргина 14 мая 1774 г.; Показание Устиньи // Гос. архив, VI, д. № 467 и 506.

сдадитесь, так после вам худо будет, а лучше признайте свою вину и принесите покорность: батюшка вас простит и пожалует. Ты здесь капитан, а у него, может быть, и генералом будешь. Пожалуй, не сомневайся, право, он подлинный государь. Да чего больше говорить, у него в Берде служит коллежский асессор из Симбирска, так ему лучше нашего можно знать, кому он служит – государю или нет? Итак, сами рассудите: когда государь с государыней не согласны, так нам нечего в их дела вступаться – они как хотят между собою, а нам лучше сторону держать государя, потому что мы еще прежде присягали ему верно служить.

Взаимные доказательства были недостаточно убедительны, и обе стороны остались при прежнем положении: казаки надеялись, что голод заставит гарнизон сдаться, а полковник Симонов был уверен, что ему будет оказана помощь, и он выйдет из своего крайне стеснительного положения.

Глава 5

Вылазка из Оренбурга. – Заботы Рейнсдорпа о продовольствии. – Захват мятежниками Илецкой зашиты. – Письмо из Берды генералу Рейнсдорпу. – Наступление отрядов князя Голицына и генерала Мансурова. – Столкновение их с мятежниками у Бузулука и деревни Прошенной. – Победа под Татищевой и ее последствия.

Получив известие об отъезде Пугачева в Яицкий городок, генерал-поручик Рейнсдорп пытался еще раз перейти в наступление и атаковать Бердинскую слободу. В случае успеха он надеялся захватить там запасы и хотя на некоторое время обеспечить себя продовольствием. Собрал 1700 человек пехоты, 400 казаков с 23 орудиями, Рейнсдорп разделил их на три отряда и поручил общее командование генерал-майору Валленштерну. Войска должны были выйти из города в пять часов утра 13 января и стремительно ударить на неприятеля.

К назначенному часу пехота была готова, но казаки, несмотря на неоднократные требования Валленштерна, присоединились к отряду только на половине пути. Глубокий, по колено, снег и истощенные лошади замедляли движение и дали возможность мятежникам собраться и подготовиться к бою.

Когда Валленштерн стал выходить на дорогу в Берду, то мятежники, скрывавшиеся в лощинах, окружили его почти со всех сторон. Притянув к себе отряды бригадира Корфа и секунд-майора Наумова, генерал-майор Валленштерн хотя и открыл огонь из своих орудий, но после нескольких выстрелов, видя многочисленность неприятеля, принужден был начать отступление. Пугачевцы наседали на отряд с такой энергией и настойчивостью, что Валленштерн потерял 8 орудий, 281 человека убитыми и 123 ранеными¹²⁷.

Неудача эта, совершившаяся на глазах жителей, следивших с городского вала за действиями войск, произвела на них тяжелое впечатление, и генерал-поручик Рейнсдорп доносил, что без посторонней помощи не только *вылазки против него, злодея, сделать уже не в состоянии, но и получить сведение, что делается в Берде, почти невозможно*¹²⁸. Гарнизон был до такой степени истощен и деморализован, что посылаемые для разъездов казаки, не надеясь на своих лошадей, ограничивались выездом за ворота и не решались отдалиться от стен крепости. Чтобы получить сведения о неприятеле, добыть «языка», генерал Рейнсдорп принужден был, по совету коллежского советника Тимашева, расставить вокруг города 27 капканов, «в том намерении, – пишет Рычков¹²⁹, – чтоб, выехав за город, яицким казакам заманить злодеев на сие место, и когда оным инструментом под кем из них уязвлена и подшибена будет лошадь, чтобы, наскاکав, подхватить его было удобнее». Выдумка эта не привела к желаемым результатам; мятежники растаскали все капканы и, осыпав оренбургского губернатора насмешками, обещали заморить голодом. Они хорошо знали, что в Оренбурге давно уже приказано было выдавать половинную дачу провианта и что число больных в городе, в особенности цингой, стало умножаться. Цены на все продукты быстро возвысились; пуд муки продавали от 10 до 15 руб., а фунт печеного хлеба доходил до 30 коп.

¹²⁷ Рапорт Валленштерна генералу Рейнсдорпу 6 февраля; Рапорт Наумова Валленштерну 4 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

¹²⁸ Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии от 25 января 1774 г. // Там же.

¹²⁹ В своей летописи. См. соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 371 (приложение).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.